

Марина Цвѣтаева.

Вечерній
альбомъ.

СТИХИ.

Дѣтство. — Любовь. — Только тѣни.

МОСКВА. — 1910.

ТОВАРИШЕСТВО

ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА

ИЗДАВ. Землянский пер. д. 10 Б

*Посвящаю эту книгу блестящей
памяти Маріи Башкирцевой.*

ВСТРѢЧА.

Вечерній дымъ надъ городомъ возникъ,
Куда-то вдаль покорно шли вагоны,
Вдругъ промелькнулъ, прозрачнѣй анемоны,
Въ одномъ изъ оконъ полудѣтскій ликъ.

На вѣкахъ гѣнь. Подобіемъ короны
Лежали кудри... Я сдержала крикъ:
Мнѣ стало ясно въ этотъ краткій мигъ,
Что пробуждаютъ мертвыхъ наши стоны.

Съ той дѣвушкой у темнаго окна
— Видѣнемъ рая въ сутолкѣ вокзальной —
Не разъ встрѣчалась я въ долинахъ сна.

Но почему была она печальной?
Чего искалъ прозрачный силуэтъ?
Быть можетъ ей—и въ небѣ счастья нѣтъ?...

ДѢТСТВО.

Ah, mieux vaut repartir aussitôt
qu'on arrive
Que de te voir faner, nouveauté
de la rive.

Edmond Rostand.

I.

ЛѢСНОЕ ЦАРСТВО.

Асть.

Ты—принцесса изъ царства не свѣтскаго,
Онъ—твой рыцарь, готовый на все...
О, какъ много въ васъ милаго, дѣтскаго,
Какъ понятно мнѣ счастье твое!

Въ свѣтлой чащѣ березъ, гдѣ просвѣтами
Голубѣетъ сквозь листья вода,
Хорошо обмѣняться отвѣтами,
Хорошо быть принцессой. О, да!

Тихимъ вечеромъ, медленно тающимъ,
Тамъ, гдѣ сосны, болото и мхи,
Хорошо надъ костромъ догорающимъ
Говорить о закатѣ стихи;

Возвращаться опасной дорогою
Съ соучастницей вѣчной—луной,
Быть принцессой лукавой и строгою
Лунной ночью, дорогой лѣсной.

Наслаждайтесь весенними звонами,
Милый рыцарь, влюбленный, какъ пажъ,
И принцесса съ глазами зелеными,—
Этотъ мигъ, онъ короткій, но вашъ!

Не смущайтесь словами нетѣрдыми!
Знайте: молодость, вѣтеръ—одно!
Вы сошлись и разстанетесь гордыми,
Если чаши завидится дно.

Хорошо быть красивыми, быстрыми
И, кострами дразня темноту,
Любоваться безумными искрами,
И какъ искры сгорѣть—налету!

Таруса, лѣто 1908.

II.

ВЪ ЗАЛѢ.

Надъ міромъ вечернихъ видѣній
Мы, дѣти, сегодня цари.
Спускаются длинныя тѣни,
Горятъ за окномъ фонари,
Темнѣетъ высокая зала,
Уходятъ въ себя зеркала...
Не медлимъ! Минута настала!
Ужъ кто-то идетъ изъ угла.
Насъ двое надъ темной роялью
Склонилось, и крадется жуть.
Укутаны маминой шалью,
Блѣднѣемъ, не смѣемъ вздохнуть.
Посмотримъ, что нынѣ творится
Подъ пологомъ вражеской тьмы?
Темнѣе, чѣмъ прежде, ихъ лица,—
Опять побѣдители мы!

Мы цѣпи таинственной звеня,
Намъ духомъ въ борьбѣ не упасть,
Послѣднее близко сраженье,
И темныхъ окончится власть.
Мы старшихъ за то презираемъ,
Что скучны и просты ихъ дни...
Мы знаемъ, мы многое знаемъ
Того, что не знаютъ они!

III.

МИРОКЪ.

Дѣти—это взгляды глазокъ боязливыхъ,
Ножекъ шаловливыхъ по паркету стукъ,
Дѣти—это солнце въ пасмурныхъ мотивахъ,
Цѣлый міръ гипотезъ радостныхъ наукъ.

Вѣчный беспорядокъ въ золотѣ колечекъ,
Ласковыхъ словечекъ шепотъ въ полуснѣ,
Мирныя картинки птичекъ и овечекъ,
Что въ уютной дѣтской дремлютъ на стѣнѣ.

Дѣти—это вечеръ, вечеръ на диванѣ,
Сквозь окно, въ туманѣ, блески фонарей,
Мѣрный голосъ сказки о царѣ Салтанѣ,
О русалкахъ-сестрахъ сказочныхъ морей.

Дѣти—это отдыхъ, мигъ покоя краткій,
Богу у кровати трепетный обѣтъ,
Дѣти—это міра нѣжныя загадки,
И въ самихъ загадкахъ кроется отвѣтъ!

IV.

ЖЕРТВАМЪ ШКОЛЬНЫХЪ СУМЕРОКЪ.

Милыя, раннія вѣточки,
Гордость и счастье земли,
Дѣточки, грустныя дѣточки,
О, почему вы ушли?
Думы смущаетъ завѣтныя
Вашъ неслышанный стонъ.
Сколько то листья газетныя
Кроютъ безвѣстныхъ именъ!...
Губы, теперь онѣмѣлыя,
Тихо шепнули: „Не то“...
Смерти довѣриться, смѣлыя,
Что васъ заставило, что?
Ужась ли думъ неожиданныхъ,
Душу зажегшій вопросъ,
Подвиговъ жажда-ль невиданныхъ,

Или предчувствіе грозъ,—
Спите въ покоѣ чарующемъ!
Смерть хороша—на зарѣ!
Вспомнимъ о васъ на пирующемъ,
Бурно-могучемъ кострѣ.
—Правы ли на смерть идущіе?
Вѣчно ли будетъ темно?
Это узнаютъ грядущіе,
Намъ это знать—не дано.

V.

СЕРЕЖЪ.

Ты не могъ смирить тоску свою,
Побѣдивъ нашъ смѣхъ, что ранишь, жалья.
Догорѣвъ, какъ свѣчи у рояля,
Всѣхъ свѣтлѣй проснулся ты въ раю.

И сказалъ Христось, отецъ любви:
„По тебѣ внизу тоскуеть мама,
Въ ней душа грустнѣй пустого храма,
Грустенъ миръ. Къ себѣ ее зови“.

Съ той поры, когда желтѣеть лѣсъ,
Вверхъ она, сквозь листьевъ позолоту,
Все глядитъ, какъ будто ищетъ что-то
Въ синевѣ темнѣющихъ небесъ.

И когда осенніе цвѣты
Льнутъ къ землѣ, какъ дѣтскій взглядъ
безъ смѣха,
Съ яркихъ губъ срывается, какъ эхо,
Тихій стонъ: „Мой мальчикъ, это ты!“

О, зови, зови сильнѣй ее!
О землѣ, гдѣ все—одна тревога
И о томъ, какъ дивно быть у Бога,
Все скажи,—вѣдь дѣти знаютъ все!

Понялъ ты, что жизнь иль смѣхъ иль бредъ,
Ты ушелъ, сомнѣній не тревожа...
Ты ушелъ... Ты мудрый былъ, Сережа!
Въ мірѣ грусть. У Бога грусти нѣтъ!

VI.

ДОРТУАРЬ ВЕСНОЙ.

Анѣ Ланиной.

О весенніе сны въ дортуарѣ,
О блужданье въ раздумьѣ средь спящихъ,
Звукъ шаговъ, какъ нарочно, скрипящихъ,
И тоска, и мечты о пожарѣ.

Неспокойны уснувшія лица,
Газъ заботливо кѣмъ-то убавленъ,
Воздухъ прянъ и какъ-будто отравленъ,
Дортуарь—какъ большая теплица.

Тихи вздохи. На призрачномъ свѣтѣ
Всѣ блѣдны. Отъ тоски-ль ожиданья,
Оттого-ль, что солгали гаданья,
Но тревожны уснувшія дѣти.

Косы длинны, а руки такъ тонки!
Бредъ внезапный: „Отъ вражескихъ пушекъ
Войско турокъ“... Недвижны иконки,
Что склонились надъ снѣгомъ подушекъ.

Кто-то плачетъ во снѣ, не упрямо...
Такъ слабы эти дѣтскіе всхлипы!
Снятся дѣвочкѣ старья липы
И умершая, блѣдная мама.

Расцвѣтаетъ въ душѣ небылица.
Кто тамъ бродить? Неспящая поздно?
Иль цвѣтокъ, воскресающій грозно,
Что сгубила весной теплица?

VII.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

„Плывите!“ молвила Весна.
Ушла земля, сверкнула пѣна,
Диванъ-корабль въ озерахъ сна
Помчалъ насъ къ сказкѣ Андерсена.

Какой-то добрый Чародѣй
Его изъ водъ направилъ сонныхъ
Въ страну гигантскихъ орхидей,
Печальныхъ глазъ и роцъ лимонныхъ.

Мы плыли мимо береговъ,
Гдѣ зеленѣетъ Пальма Мира,
Гдѣ изъ спокойныхъ жемчурговъ
Дворцы, а башни изъ сапфира.

Исчезъ послѣдній снѣгъ зимы,
Намъ цвѣлъ душистый снѣгъ магнолій ..
Куда летимъ? Не знали мы!
Да и къ чему? Не все равно-ли?

Тянулись гибкіе цвѣты,
Какъ зачарованныя змѣи,
Изъ просвѣтленной темноты
Мигали хитрые пигмеи...

Послѣдній лучъ давно погасъ,
Въ краяхъ послѣднихъ тучекъ тая,
Мелькнуло облачко-Пегасъ,
И рыбъ воздушныхъ скрылась стая,

И мѣсяцъ межъ стеблей травы
Мелькнулъ въ водѣ, какъ кругъ эмали...
Онъ былъ такъ близокъ, но увы —
Его мы въ сѣти не поймали!

Подъ пестрымъ зонтикомъ чудесь,
Полны мечтаній затаенныхъ,
Лежали мы и страхъ исчезъ
Подъ взоромъ чьихъ-то глазъ зеленыхъ.

Лилось ручьемъ на берегахъ
Вино въ хрустальные графины,
Служили намъ на двухъ ногахъ
Киты и грузные дельфины...

Вдругъ—звонъ! Онъ здѣсь! Пошады нѣтъ!
То звонъ часовъ протяжно-гулокъ!
Какъ, это папинъ кабинетъ?
Диванъ? Знакомый переулокъ?

Ужъ утро брезжить! Боже мой!
Полу во снѣ и полу-бдѣя
По мокрымъ улицамъ домой
Мы провожали Чародѣя.

VIII.

ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ.

Нѣтъ возврата. Ужъ поздно теперь.
Хоть и страшно, хоть грозный и темный ты,
Отвори намъ желанную дверь,
Покажи намъ завѣтныя комнаты.
Красенъ факель у негра въ рукахъ,
Рѣки свѣта струятся зигзагами...
Клеопатра-ли тамъ въ жемчугахъ?
Лорелея-ли съ рейнскими сагами?
Можетъ быть... — отвори жъ скорѣй
Тайнымъ знакомъ серебряной палочки! —
Тамъ фонтаны изъ слезъ матерей?
И въ распушенныхъ косахъ русалочки?
Не горящіе жаждой уснуть —
Какъ несчастны, какъ жалко-бездомны тѣ!
Дай намъ въ душу тебѣ заглянуть
Въ той лиловой, той облачной комнатѣ!

IX.

ЛѢТОМЪ.

— „Ася, повѣрьте!“ и что-то дрожить
Въ Гришиномъ дѣланномъ басѣ.
Ася лукава и дальше бѣжить...
Гриша — мечтаетъ объ Асѣ.

Шепчутся листья надъ нимъ съ вѣтеркомъ,
Клонятся трепетной нишей...
Гриша глаза вытираетъ тайкомъ,
Ася — смѣется надъ Гришей!

Х.

САМОУБИЙСТВО.

Былъ вечеръ музыки и ласки,
Все въ дачномъ садикѣ цвѣло.
Ему въ задумчивые глазки
Взглянула мама такъ свѣтло!
Когда жъ въ пруду она исчезла
И успокоилась вода,
Онъ понялъ — жестомъ злого жезла
Ее колдунъ увлекъ туда.
Рыдала съ дальней дачи флейта
Въ сіяньи розовыхъ лучей...
Онъ понялъ—прежде былъ онъ чей-то,
Теперь же нищій сталъ, ничей.
Онъ крикнулъ: „Мама!“, вновь и снова,

Потомъ пробрался, какъ въ бреду,
Къ постелькѣ, не сказавъ ни слова
О томъ, что мамочка въ пруду.
Хоть надъ подушкою икона,
Но страшно! — „Ахъ, вернись домой!“
... Онъ тихо плакалъ. Вдругъ съ
балкона
Раздался голосъ: „Мальчикъ мой!“
. . . . .
Въ изящномъ узенькомъ конвертѣ
Нашли ея „прости“: „Всегда
Любовь и грусть — сильнѣе смерти“.
Сильнѣе смерти... Да, о да!..

XI.

ВЪ ЛЮКСЕМБУРГСКОМЪ САДУ.

Склоняются низко цвѣтушія вѣтки,
Фонтана въ бассейнѣ лепечуть струи,
Въ тѣнистыхъ аллеяхъ все дѣтки, все
дѣтки...

О дѣтки въ травѣ, почему не мои?

Какъ будто на каждой головкѣ коронка
Отъ взоровъ, дѣтей стерегущихъ, любя.
И матери каждой, что гладитъ ребенка,
Мнѣ хочется крикнуть: „Весь міръ у тебя!“

Какъ бабочки дѣвочекъ платица пестры,
Здѣсь ссора, тамъ хохоть, тамъ сборы
домой...

И шепчутся мамы, какъ нѣжныя сестры:
— „Подумайте, сынъ мой“... — „Да что вы!
А мой“...

Я женщинъ люблю, что въ бою не робѣли,
Умѣвшихъ и шпагу держать, и копье, —
Но знаю, что только въ плѣну колыбели
Обычное — женское — счастье мое!

ХІІ.

ВЪ СУМЕРКАХЪ.

(На картину „Au Crépuscule“ Paul Chabas въ Люксембургскомъ музеѣ).

Кланъ Макаренко.

Сумерки. Медленно въ воду вошла
Дѣвочка цвѣта луны.
Тихо. Не мучать уснувшей волны
Мѣрные всплески весла.
Вся — какъ наяда. Глаза зелены,
Стеблемъ межъ водъ расцвѣла.
Сумеркамъ — вѣрность, имъ, нѣжнымъ, хвала:
Дѣти отъ солнца больны.
Дѣти — безумцы. Они влюблены
Въ воду, въ рояль, въ зеркала...
Мама съ балкона домой позвала
Дѣвочку цвѣта луны.

ХІІІ.

ЭЛЬФОЧКА ВЪ ЗАЛѢ.

Анѣ Калинѣ.

Запѣла рояль неразгаданно-нѣжно
Подъ гибкими ручками маленькой Ани.
За окнами мчались неясныя сани,
На улицахъ было пустынно и снѣжно.

Воздушная эльфочка въ дѣтскомъ нарядѣ
Внимала тому, что лишь эльфочкамъ слышно.
Овѣяли тонкое личико пышно
Пушистыхъ кудрей безпокойныя пряди.

Въ ней были движенья таинственно-хрупки.
— Какъ будто старинный портретъ передъ
вами! —

Отъ думъ, что вовѣки не скажешь словами,
Печально дрожали капризныя губки.

И пѣла рояль, вдохновеньемъ согрѣта,
О сладостныхъ чарахъ безбрежной печали,
И души межъ звуковъ другъ друга встрѣ-
чали,
И кто-то свѣтло улыбался съ портрета.

Внушали напѣвы: „Нѣтъ радости въ страсти!
Усталое сердце, усни же, усни ты!“
И въ сумеркахъ зимнихъ намъ вѣрилось
власти
Единственной, странной царицы Аниты.

XIV.

ПАМЯТИ НИНЫ ДЖАВАХА.

Всему внимая чуткимъ ухомъ,
— Такъ недоступна! Такъ нѣжна! —
Она была лицомъ и духомъ
Во всемъ джигитка и княжна.

Ей всѣ казались странно-грубы:
Скрывая взоръ въ тѣни угловъ,
Она безъ словъ кривила губы
И ночью плакала безъ словъ.

Блѣднѣя гасли въ небѣ зори,
Темнѣль огромный дортуаръ;
Ей снилось розовое Гори
Въ тѣни развѣсистыхъ чинарь...

Ахъ, не растеть маслины вѣтка
Вдали отъ склона, гдѣ цвѣла!
И вотъ весной раскрылась клѣтка,
Метнулись въ небо два крыла.

Какъ восковые — ручки, лобикъ,
На блѣдномъ личикѣ — вопросъ.
Тонулъ нарядно-бѣлый гробикъ
Въ волнахъ душистыхъ туберозъ.

Умолкло сердце, что боролось...
Вокругъ лампы, образа...
А былъ красивъ гортанный голосъ!
А были пламенны глаза!

Смерть окончанье — лишь разказа,
За гробомъ радость глубока.
Да будетъ дѣвочкѣ съ Кавказа
Земля холодная легка!

Порвалась тоненькая нитка,
Испепеливъ, угасъ пожаръ...
Спи съ миромъ, плѣнница-джигитка,
Спи съ миромъ, крошка-сазандаръ.

Какъ наши радости убоги
Душѣ, что мукой зажжена!
О да, тебя любили боги,
Свѣтло-надменная княжна!

Москва, Рождество 1909 г.

ХV.

ПЛѢННИЦА.

Она покоится на вышитыхъ подушкахъ,
Слегка взволнована мигающимъ лучемъ.
О чемъ загрезила? Задумалась о чемъ?
О новыхъ платьяхъ-ли? О новыхъ-ли игруш-
кахъ?

Шалунья-плѣнница томилась цѣлый день
Въ покояхъ сумрачныхъ тюрьмы Эскуриала.
Отъ гнета пышнаго, отъ строгаго хорала
Уводитъ въ рай ее ночная тѣнь.

Не лгали въ книгахъ блѣдныя виньеты:
Приоткрывается тяжелый балдахинъ,
И слышенъ смѣхъ звенящій мандолинъ,
И о любви вздыхаютъ кастаньеты.

Склонивъ колѣно, ждетъ кудрявый пажъ
Ея, наслѣдницы, чарующей улыбки.
Аллеи сумрачны, въ бассейнахъ плещутъ
рыбки
И ждетъ серебряный, тяжелый экипажъ.

Но... грезы все! Настанетъ мигъ расплаты;
Отъ злой слезы рѣсницы дрогнетъ шелкъ,
И ужъ съ утра про королевскій долгъ
Начнутъ твердить суровые аббаты.

XVI.

ШАРМАНКА ВЕСНОЙ.

— „Негг Володя, глядите въ тетрадь!“
— „Ты опять не читаешь, обманщикъ?“
Погоди, не посмѣть играть
Nimmer mehr этотъ гадкій шарманщикъ!“

Золотые дневные лучи
Теплой ласкою травку согрѣли.
— „Гадкій мальчикъ, глаголы учи!“
— О, какъ трудно учиться въ апрѣлѣ!..

Наклонившись, глядитъ изъ окна
Гувернантка въ накидкѣ лиловой.
Fräulein Else сегодня грустна,
Хоть и хочетъ казаться суровой.

Въ ней минувшія грезы свѣжатъ
Эти отклики давнихъ мелодій,
И давно ужъ слезинки дрожатъ
На рѣсницахъ больного Володи.

Инструментъ неуклюжъ, неказистъ:
Вѣдь оплаченъ сумой небогатой!
Всѣ на волѣ: жилецъ-гимназистъ,
И Наташа, и Дорикъ съ лопатой,

И разнощикъ съ тяжелымъ лоткомъ,
Что торгуетъ внизу пирожками...
Fräulein Else закрыла платкомъ
И очки, и глаза подъ очками.

Не уходитъ шарманщикъ слѣпой,
Легкимъ вѣтромъ колеблется штора,
И смѣняется: „Пой, птичка, пой“
Дерзкимъ вызовомъ Торсадора.

Fräulein плачетъ: волнуетъ игра!
Водитъ мальчикъ перомъ по бювару.
— „Не грусти, lieber Junge, — пора
Намъ гулять по Тверскому бульвару.

Ты тетрадки и книжечки спрячь!
— „Я конфетъ попрошу у Алеши!
Fräulein Else, гдѣ черненькій мячъ?
Гдѣ мои, Fräulein Else, калоши?“

Не осилить тоскѣ леденца!
О великая жизни приманка!
На дворѣ безъ надеждъ, безъ конца
Заунывно играетъ шарманка.

XVII.

ЛЮДОВИКЪ XVII.

Отцамъ изъ розъ вѣнецъ, тебѣ изъ терній,
Отцамъ — вино, тебѣ — пустой графинъ.
За ихъ грѣхи ты жертвой палъ вечерней,
О на зарѣ замученный дофинъ!

Не сгнившій плодъ, — цвѣтокъ неживше-
свѣжій

Втоптала въ грязь народная гроза.
У всѣхъ дѣтей глаза одни и тѣ же:
Невыразимо-нѣжные глаза!

Наслѣдный принцъ, ты сталъ курить изъ
трубки,
Въ твоихъ кудряхъ мятежниковъ колпакъ,
Виномъ сквернили розовыя губки,
Дофина билъ сапожника кулакъ.

Гдѣ гордый блескъ прославленныхъ столѣтій?
Исчезло все, развѣялось во прахъ!
За все терпѣли маленькія дѣти:
Малютка-принцъ и дѣвочка въ кудряхъ.

Но вотъ насталъ послѣдній мигъ разлуки.
Чу! Чья-то пѣснь! Такъ ангелы поютъ...
И ты простеръ слабѣющія руки
Туда наверхъ, гдѣ странникамъ — пріютъ.

На дальній путь довѣрчиво вступая,
Ты понялъ, принцъ, зачѣмъ мы слезы льемъ,
И зналъ, подъ пѣснь родную засыпая,
Что въ небесахъ проснешься — королемъ.

XVIII.

НА СКАЛАХЪ.

Онъ былъ синеглазый и рыжій,
(Какъ порохъ во время игры!)
Лукавый и ласковый. Мы же
Двѣ маленькихъ русыхъ сестры.

Ужъ ночь опустилась на скалы,
Дымится надъ моремъ костеръ,
И клонитъ Володя усталый
Головку на плечи сестеръ.

А сестры ужъ ссорятся въ злобѣ:
„Онъ — мой!“ — „Нѣтъ — онъ мой!“ — „По-
чему жь?“

Володя рѣшаетъ: „Вы обѣ!
Вы — жены, я — турокъ, вашъ мужъ“.

Забыто, что въ платицахъ дыры,
Что новый костюмчикъ измятъ.
Какъ скалы заманчиво-сыры!
Какъ радостно пиньи шумять!

Обрывки какихъ-то мелодій
И шепотъ сквозь сонъ: „Нѣтъ, онъ мой!“
— „Домой! Ася, Муся, Володя!“
— Нѣтъ, лучше въ костерь, чѣмъ домой!

За скалы цѣпляются юбки,
Отъ камешковъ рвется карманъ.
Мы куримъ — какъ взрослые — трубки,
Мы — воры, а онъ атаманъ.

Ну, какъ его вспомнишь безъ боли,
Товарища столькихъ побѣдъ?
Теперь мы большія и болѣ
Не мальчики въ юбкахъ, — о нѣтъ!

Но память о немъ мы уносимъ
На цѣлую жизнь. Почему?
— Мнѣ десять лѣтъ было, ей восемь,
Одиннадцать ровно ему.

XIX.

ДАМА ВЪ ГОЛУБОМЪ.

Гдѣ-то за лѣсомъ раскатъ грозовой,
Воздухъ удушливъ и сухъ.
Въ пышную траву ушелъ съ головой
Маленькій Эрикъ-пастухъ.
Темныя ели, клонясь отъ жары,
Мальчику дали пріютъ.
Душно... Жужжаніе пчель, мошкары,
Гдѣ-то барашки блеютъ.
Эрикъ задумчивъ: — „Надѣйся и вѣрь,
Въ церкви аббатъ поучалъ.
Вѣрю... О Боже... О, если бъ теперь
Колоколъ вдругъ зазвучалъ!“
Молвилъ — и видитъ: изъ сумрачныхъ
чащъ
Дама идетъ черезъ лугъ:

Легкая поступь, синѣющій плащъ.
Блескъ ослѣпительный рукъ;
Рѣзвый потокъ золотистыхъ кудрей
Зыблется, вѣтромъ гонимъ.
Ближе, все ближе, ступаетъ быстрѣй,
Вотъ ужъ склонилась надъ нимъ.
— „Вѣрящій чуду не вѣритъ вотще,
Чуда и радости жди!“
Добрая дама въ лазурномъ плащѣ
Крошку прижала къ груди.
Бѣлыя розы, органъ, торжество,
Радуга звѣздныхъ колоннъ...
Эрикъ очнулся. Вокругъ — никого,
Только барашки и онъ.
Въ небѣ незримые колокола
Пѣли-звенѣли: бимъ-бомъ...
Понялъ малютка тогда, кто была
Дама въ плащѣ голубомъ.

XX.

ВЪ ОУСНУ.

Держала мама наши руки,
Къ намъ заглянувъ на дно души.
О, этотъ часъ, канунъ разлуки,
О предзакатный часъ въ Оусну!

— „Все въ знаньи, скажутъ вамъ науки...
Не знаю... Сказки — хороши!“
О эти медленные звуки,
О эта музыка въ Оусну!

Мы рядомъ. Вмѣстѣ наши руки.
Намъ грустно. Время, не спѣши!..
О этотъ часъ, преддверье муки,
О вечеръ розовый въ Оусну!

XXI.

АКВАРЕЛЬ.

Амбразуры оконъ потемнѣли,
Не вздыхаетъ вѣтерокъ долинный,
Ясенъ вечеръ; сквозь вершину ели
Кинулъ мѣсяцъ первый лучъ свой длинный.
Ангель взоры опустилъ святые,
Люди рады тѣни промелькнувшей,
И спокойны глазки золотые
Нѣжной дѣвочки, къ окну прильнувшей.

XXII.

СКАЗОЧНЫЙ ШВАРЦВАЛЬДЪ.

Ты, кто муку видишь въ каждомъ мигѣ,
Приходи сюда, усталый братъ!
Все, что снилось, сбудется, какъ въ книгѣ —
Темный Шварцвальдъ сказками богатъ!

Всѣ людскіе помыслы такъ мелки
Въ этомъ царствѣ доброй полумглы.
Здѣсь лишь лани бродятъ, скачутъ бѣлки...
Пѣнье птицъ... Жужжаніе пчелы...

Погляди, какъ скалы эти хмуры,
Сколько яркихъ лютиковъ въ травѣ!
Бѣлыя межъ нихъ гуляютъ куры
Съ золотымъ хохломъ на головѣ.

На полянѣ хижина-игрушка
Мирно спитъ подъ шепчущей ручей.
Постучишься — ветхая старушка
Выйдетъ, шурясь отъ дневныхъ лучей.

Носъ какъ клювъ, одежда земляная,
Золотую держитъ нить рука,—
Это Waldfrau, бабушка лѣсная,
Съ колдовствомъ знакомая слегка.

Если добръ и ласковъ ты, какъ дѣти,
Если миль тебѣ и лучъ, и кустъ,
Все, что встарь случилось на свѣтѣ,
Ты узнаешь изъ столѣтнихъ устъ.

Будешь радость видѣть въ каждомъ мигѣ,
Все поймешь: и звѣзды, и закатъ!
Что приснится, сбудется, какъ въ книгѣ,—
Темный Шварцвальдъ сказками богатъ!

XXIII.

КАКЪ МЫ ЧИТАЛИ „LICHTENSTEIN“

Тишь и зной, вездѣ синѣютъ сливы,
Усыпительно жужжанье мухъ,
Мы въ травѣ усѣлись, молчаливы,
Мама Lichtenstein читаетъ вслухъ.

Въ пятнахъ губы, фартучекъ и платье,
Сливу руки нехотя берутъ.
Яркимъ золотомъ горитъ распятые
Тамъ, внизу, гдѣ склонъ дороги крутъ.

Ульрихъ — мой герой, а Георгъ — Асинъ,
Каждый доблестью плѣнить сумѣлъ:
Герцогъ Ульрихъ такъ свѣтло-несчастенъ,
Рыцарь Георгъ такъ влюбленно-смѣлъ!

Словно пѣсня—милый голосъ мамы,
Волшебство творять ея уста.
Ввысь уходятъ ели, стройно-прямы,
Тамъ, на солнцѣ, нѣженъ ликъ Христа...

Мы лежимъ, отъ счастья молчаливы,
Замираетъ сладко дѣтскій духъ.
Мы въ травѣ, вокругъ синѣютъ сливы,
Мама Lichtenstein читаетъ вслухъ...

XXIV.

НАШИ ЦАРСТВА.

Владѣнья наши царственно-богаты,
Ихъ красоты не рассказать стиху:
Въ нихъ ручейки, деревья, поле, скаты
И вишни прошлогоднія во мху.

Мы обѣ — феи, добрыя сосѣдки,
Владѣнья наши дѣлать темный лѣсъ.
Лежимъ въ травѣ и смотримъ какъ сквозь
вѣтки
Бѣлѣтъ облачко въ выси небесъ.

Мы обѣ — феи, но большіе (странно!)
Двухъ дикихъ дѣвочекъ лишь видятъ въ
насъ.

Что ясно намъ — для нихъ совсѣмъ туманно:
Какъ и на все — на фею нуженъ глазъ!

Намъ хорошо. Пока еще въ постели
Всѣ старше, и воздухъ лѣтній свѣжъ,
Бѣжимъ къ себѣ. Деревья намъ качели,
Бѣги, танцуй, сражайся, палки рѣжь!..

Но день прошелъ, и снова феи — дѣти,
Которыхъ ждуть и шагъ которыхъ тихъ...
Ахъ, этотъ мѣръ и счастье быть на свѣтѣ
Еще невзрослый передастъ ли стихъ?

XXV.

ОТЪѢЗДЪ.

Повсюду листья желтые, вода
Прозрачно-синяя. Повсюду осень, осень!
Мы уѣзжаемъ. Боже, какъ всегда
Отъѣздъ сердцамъ желанень и несносень!

Чуть вдалекѣ раздастся стукъ колесъ,—
Четыре вздрогнуть дѣтскія фигуры.
Глаза Марилэ не глядятъ отъ слезъ,
Вздыхаетъ Карлъ, какъ заговорщикъ, хмурый.

Мы къ мамѣ жмемся: „Ну зачѣмъ отъѣздъ?
Здѣсь хорошо!“— „Ахъ, дѣти, вздохи лишни“.
Прощайте, лугъ и придорожный крестъ,
Дорога въ Хорбенъ... Вы, прощайте, вишни,

Что рвали мы въ саду, и сѣноваль,
Гдѣ мы, отъ всѣхъ укравшись, ихъ сѣдали...
(Какой-то крикъ... Кто звалъ? Никто незвалъ!)
И вы, Шбарцвальда золотыя дали!

Марилэ пишетъ мнѣ стишокъ въ альбомъ,
Глаза въ слезахъ, а буквы кривы-кривы!
Хлопочетъ мама; въ платѣ голубомъ
Мелькаетъ Ася съ Карломъ тамъ, у ивы.

О на крыльцѣ послѣдній шепотъ нашъ!
О этотъ плачь о промелькнувшемъ лѣтѣ!
Какой-то шумъ. Пріѣхалъ экипажъ.
— „Скорѣй, скорѣй! Мы опоздаемъ, дѣти!“

— „Марилэ, другъ, пиши мнѣ!“ Ахъ, не то!
Не это я сказать хочу! Но что же?
— „Надѣнь беретъ!“ — „Не раскрывай пальто!“
— „Садитесь, ну?“ и папинъ голосъ строже.

Букетъ суетъ намъ Асинъ кавалеръ,
Суетъ Марилэ плитку шоколада...
Послѣдній мигъ... — „Nun, kann es losgehn,
Herr?“

Погибло все. Нѣтъ, больше жить не надо!

Мы ѣхали. Осенній вечеръ блекъ.
Мы, какъ во снѣ, о чемъ-то говорили...
Прощай, нашъ Карлъ, шварцвальдскій па-
ренекъ!
Прощай, мой другъ, шварцвальдская Марилэ!

XXVI.

КНИГИ ВЪ КРАСНОМЪ ПЕРЕПЛЕТЪ.

Изъ рая дѣтскаго житя
Вы мнѣ привѣтъ прощальный шлете,
Неизмѣнившіе друзья
Въ потертомъ, красномъ переплетѣ.
Чуть легкій выучень урокъ,
Бѣгу тотчасъ же къ вамъ бывало.
— „Ужъ поздно!“ — „Мама, десять строкъ!“ ...
Но къ счастью мама забывала.
Дрожать на люстрахъ огоньки...
Какъ хорошо за книгой дома!
Подъ Грига, Шумана и Кюи
Я узнавала судьбы Тома.
Темнѣеть... Въ воздухѣ свѣжо...
Томъ въ счастье съ Бэки полонъ вѣры.

Вотъ съ факеломъ Индѣецъ Джо
Блуждаетъ въ сумракѣ пещеры...
Кладбище... Вѣщій крикъ совы...
(Мнѣ страшно!) Вотъ летитъ чрезъ кочки
Пріемышъ чопорной вдовы,
Какъ Діогенъ живущій въ бочкѣ.
Свѣтлѣе солнца тронный залъ,
Надъ стройнымъ мальчикомъ — корона...
Вдругъ — нищій! Боже! Онъ сказалъ:
„Позвольте, я наслѣдникъ трона!“
Ушелъ во тьму, кто въ ней возникъ.
Британіи печальны судьбы...
— О, почему средь красныхъ книгъ
Опять за лампой не уснутъ бы?
О золотыя времена,
Гдѣ взоръ смѣлѣй и сердце чище!
О золотыя имена:
Геккъ Финнъ, Томъ Соьеръ, Принцъ и
Нищій!

XXVII.

МАМЪ.

Въ старомъ вальсѣ штраусовскомъ впервые
Мы услышали твой тихій зовъ,
Съ той поры намъ чужды всѣ живые
И отраденъ бѣглый бой часовъ.

Мы, какъ ты, привѣтствуемъ закаты,
Упиваясь близостью конца.
Все, чѣмъ въ лучшій вечеръ мы богаты,
Намъ тобою вложено въ сердца.

Къ дѣтскимъ снамъ клонясь неутомимо,
(Безъ тебя лишь мѣсяцъ въ нихъ глядѣль!)
Ты вела своихъ малютокъ мимо
Горькой жизни помысловъ и дѣль.

Съ раннихъ лѣтъ намъ близокъ, кто печаль,
Скученъ смѣхъ и чуждъ домашній кровъ...
Нашъ корабль не въ добрый мигъ отчаленъ
И плыветь по волѣ всѣхъ вѣтровъ!

Все блѣднѣй лазурный островъ — дѣтство,
Мы однѣ на палубѣ стоимъ.
Видно грусть оставила въ наслѣдство
Ты, о мама, дѣвочкамъ своимъ!

XXVIII.

САРА ВЪ ВЕРСАЛЬСКОМЪ МОНА- СТЫРѢ.

Голубей надъ крышей вьется пара,
Засыпаетъ монастырскій садъ.
Замечталась маленькая Сара
На закатъ.

Льнетъ къ окну, лучи рукою ловить,
Какъ былинка нѣжная слаба,
И не знаетъ крошка, что готовить
Ей судьба.

Вся застыла въ грезѣ молчаливой,
Отъ раздумья щечки розовѣй,
Вьются кудри золотистой гривой
До бровей.

На губахъ улыбка бродить рѣдко,
Чуть звенить цѣпочкою браслетъ,—
Все дитя какъ будто статуэтка
Давнихъ лѣтъ.

Этихъ глазъ синѣе не бываетъ!
Рѣзкій звукъ развѣялъ пѣнье чаръ:
То звонокъ воспитанницъ сзываетъ
Въ дортуаръ.

Подымаетъ дѣвочку съ окошка,
Какъ перо, монахиня-сестра.
Добрый голосъ шепчетъ: „Сара-крошка,
Спать пора!“

Сѣло солнце въ медленномъ пожарѣ,
Серпъ луны прокрался изъ-за тучъ,
И всю ночь легенды шепчетъ Сарѣ
Лунный лучъ.

XXIX.

МАЛЕНЬКІЙ ПАЖЪ.

Этотъ крошка съ душой безутѣшной
Былъ рожденъ, чтобы рыцаремъ пасть
За улыбку возлюбленной дамы.
Но она находила потѣшной,
Какъ наивныя драмы,
Эту дѣтскую страсть.

Онъ мечталъ о гибели славной,
О могуществѣ гордыхъ царей
Той страны, гдѣ восходить свѣтило.
Но она находила забавной
Эту мысль и твердила:
— „Вырастай поскорѣй!“

Онъ бродилъ одинокій и хмурый
Межъ поникшихъ, серебряныхъ травъ,
Все мечталъ о турнирахъ, о шлемѣ...
Былъ смѣшонъ мальчуганъ бѣлокурый
Избалованной всѣми
За насмѣшливый нравъ.

Черезъ мостикъ склоняся надъ водою,
Онъ шепнулъ (то послѣдній былъ бредъ!)
— „Вотъ она мнѣ киваетъ оттуда!“
Тихо плылъ, озаренный звѣздою,
По поверхности пруда
Темно-синій беретъ.

Этотъ мальчикъ пришелъ, какъ изъ грезы,
Въ міръ холодный и горестный нашъ.
Часто ночью красавица внемлетъ,
Какъ трепещутъ листвою березы
Надъ могилой, гдѣ дремлетъ
Ея маленькій пажъ.

XXX.

DIE STILLE STRASSE.

Die stille Strasse: юная листва
Свѣтло шумить, склоняясь надъ заборомъ,
Дома — во снѣ... Блестящимъ дѣтскимъ взо-
ромъ
Глядимъ навверхъ, гдѣ меркнетъ синева.

Съ тупымъ лицомъ нѣмецкія слова
Мы вслѣдъ за Fräulein повторяемъ хоромъ,
И воздухъ тихъ, загрезившій, въ которомъ
Вечерній колоколь поетъ едва.

Звучать шаги отчетливо и мѣрно,
Die stille Strasse распрощалась съ днемъ
И мирно спитъ подъ шумъ деревьевъ. Вѣрно

Мы на пути не разъ еще вздохнемъ
О ней, затерянной въ Москвѣ безкрайной,
И чье названье намъ осталось тайной.

XXXI.

МАМА ВЪ САДУ.

Галѣ Дьяконовой.

Мама стала на колѣни
Передъ нимъ въ травѣ.
Солнце пляшетъ на прическѣ,
На голубенькой матроскѣ,
На кудрявой головѣ.
Только тамъ, за домомъ, тѣни...

Мамѣ хочется гвоздику
Крошкѣ приколоть, —
Оттого она присѣла.
Руки бѣлы, платье бѣло...
Льнуть къ ней травы вплоть.
— Пальцы только мнутъ гвоздику. —

Мальчикъ свѣтлую головку
Опустилъ на грудь.
— „Не вертись, дружокъ, стой прямо!“
Что-то очень медлитъ мама!
Какъ бы улизнуть
Ищетъ маленькій уловку.

Мама плачетъ. На колѣни
Ей упалъ цвѣтокъ.
Солнце нѣжитъ взглядъ и листья,
Золотитъ незримой кистью
Каждый лепестокъ.
— Только тамъ, за домомъ, тѣни...

XXXII.

МАМА НА ЛУГУ.

Вы бродили съ мамой на лугу
И тебѣ она шепнула: „Милый!
Конченъ день, и жить во мнѣ нѣтъ силы.
Мальчикъ, знай, что даже изъ могилы
Я тебя, какъ прежде, берегу!“

Ты тихонько опустилъ глаза,
Колокольчики въ рукѣ сжимая.
Все цвѣло и пѣло въ вечеръ мая...
Ты не поднялъ глазокъ, понимая.
Что смутить ее твоя слеза.

Чуть вдали завидѣлись балконъ,
Старый садъ и окна бѣлой дачи,
Зашептала мама въ горькомъ плачѣ:
„Мой дружокъ! Вѣдь мнѣ нельзя иначе,—
До конца лишь сердце намъ законъ!“

Не грусти! Ей смерть была легка:
Смерть для женщинъ лучшая находка!
Здѣсь дремать мѣшала ей рѣшетка,
А теперь она уснула кротко
Тамъ, въ саду, гдѣ Богъ и облака.

XXXIII.

RICORDO DI TIVOLI.

Мальчикъ къ губамъ приложилъ осторожно
свирѣль,
Дѣвочка, плача, головку на грудь уронила...
— Грустно и мило! —
Скорбно склоняется къ дѣтямъ столѣтняя
ель.

Темная ель въ этой жизни видала такъ
много
Слишкомъ красивыхъ, съ большими глазами,
дѣтей.
Нѣтъ путей
Имъ въ нашей жизни. Ихъ счастье, ихъ
радость — у Бога.

Море синѣтъ вдали, какъ огромный сап-
фиръ,
Дѣтскіе крики доносятся съ дальней лужайки,
Въ воздухѣ — чайки...
Мальчикъ играетъ, а дѣвочкѣ въ другѣ
весь міръ...

Ясно читая въ грядущемъ, ихъ ель осынила,
Мощная, мудрая, много видавшая ель!
Плачетъ свирѣль...
Дѣвочка, плача, головку на грудь уронила.

Берлинъ, лѣто 1910 г.

XXXIV.

У КРОВАТКИ.

Валѣ Генерозовой.

— „Тамъ, гдѣ шиповникъ росъ аленькій,
Гномы нашли колпачки“...
Мама у маленькой Валеньки
Тихо сняла башмачки.

— „Солнце глядѣло сквозь вѣточки,
Къ розѣ летѣла пчела“...
Мама у маленькой дѣточки
Тихо чулочки сняла.

— „Змѣй не прождалъ ни минуточки,
Свистнулъ,—и въ горы скорѣй!“
Мама у сонной малюточки
Шелкъ расчесала кудрей.

— „Кошку завидѣвши курочки
Стали съ индюшками въ кругъ“ ...
Мама у сонной дочурочки
Вынула куклу изъ рукъ.

— „Вечеромъ къ дѣвочкѣ маленькой
Разъ прилетѣлъ ангелокъ“ ...
Мама надъ дремлющей Валенькой
Куклѣ вязала чулокъ.

XXXV.

ТРИ ПОЦѢЛУЯ.

— „Какіе маленькіе зубки!
И заводная! Въ парикѣ!“
Она смѣясь прижала губки
Къ ея рукѣ.

— „Какъ хорошо уйти отъ гула!
Ты слышишь скрипку вдалькѣ?“
Она задумчиво прильнула
Къ его рукѣ.

— „Отдать всю душу, но кому бы?
Мы счастье строимъ — на пескѣ!“
Она въ слезахъ прижала губы
Къ своей рукѣ.

ЛЮБОВЬ.

Въ любви нѣтъ страха, но совершенная любовь изгоняетъ страхъ, потому что въ страхѣ есть мученіе; боящійся не совершенъ въ любви.

Первое посланіе Іоанна,
гл. 4, ст. 18.

Je vois dans tout but noble un but plus
noble poindre,
Car lorsqu'on eut un rêve on n'en prend
pas un moindre.

Edmond Rostand.

1.

НОВОЛУНЬЕ

Новый мѣсяцъ всталъ надъ лугомъ,
Надъ росистою межой.
Милый, дальній и чужой,
Приходи, ты будешь другомъ.

Днемъ—скрываю, днемъ— молчу.
Мѣсяцъ въ небѣ,—нѣту мочи!
Въ эти мѣсячныя ночи
Рвусь къ любимому плечу.

Не спрошу себя: „Кто жъ онъ?“
Все расскажутъ—твои губы!
Только днемъ объятья грубы,
Только днемъ порывъ смѣшонъ.

Днемъ, томима гордыхъ бѣсомъ,
Лгу съ улыбкой на устахъ.
Ночью жь... Милый, дальній... Ахъ!
Лунный серпъ уже надъ лѣсомъ!

Таруса, октябрь 1909 г.

2.

ЭПИТАФИЯ.

Тому, кто здѣсь лежитъ подъ травкой
вешней,
Прости, Господь, злой помысль и грѣхъ!
Онъ былъ больной, измученный, нездѣшній,
Онъ ангеловъ любилъ и дѣтскій смѣхъ.

Не смять звѣзды сирени бѣлоснѣжной,
Хоть и желалъ Владыку побороть..
Во всѣхъ грѣхахъ онъ былъ — ребенокъ
нѣжный,
И потому—прости его, Господь!

БЫВШЕМУ ЧАРОДЬЮ.

Вамъ сердце рветъ тоска, сомнѣнье въ луч-
шемъ сѣя.

— „Брось камень, не щади! Я жду, боль-
нѣй ужаль!“

Нѣтъ, ненавистна мнѣ надменность фарисея,
Я грѣшниковъ люблю, и мнѣ васъ только
жаль.

Стѣнами темныхъ словъ, растущими во мракѣ,
Насъ, нѣтъ,— не разлучить! Къ замкамъ най-
демъ ключи

И смѣло подадимъ таинственные знаки
Другъ другу мы, когда задремлетъ все въ
ночи.

ЧАРОДЬЮ.

Ротъ какъ кровь, а глаза зелены,
И улыбка измученно-злая...
О, не скроешь, теперь поняла я:
Ты возлюбленный блѣдной Луны.

Надъ тобою и днемъ не слабѣли
Въ дальнемъ дѣтствѣ сказанья ночей,
Оттого ты съ рожденья — ничей,
Оттого ты любилъ — съ колыбели.

О, какъ многихъ любилъ ты, поэтъ:
Темноокихъ, свѣтло-бѣлокурыхъ,
И надменныхъ, и нѣжныхъ, и хмурыхъ,
Въ нихъ вселяя свой собственный бредъ.

Но забвеніе, ахъ, на груди ли?
Есть ли чары въ земныхъ голосахъ?
Исчезая, какъ дымъ въ небесахъ,
Уходили онѣ, уходили.

Вѣчный гость на чужомъ берегу,
Ты замученъ серебрянымъ рогомъ...
О, я знаю о многомъ, о многомъ,
Но откуда — сказать не могу.

Оттого тебѣ искры бокала
И дурманъ наслажденій блѣдны:
Ты возлюбленный Дѣвы-Луны,
Ты изъ тѣхъ, что Луна приласкала.

5.

ВЪ ЧУЖОЙ ЛАГЕРЬ.

„Да, для васъ наша жизнь
дѣйствительно въ туманѣ“.

Разговоръ 20-го декабря
1909 г.

Ахъ, вы не братья, нѣтъ, не братья!
Пришли изъ тьмы, ушли въ туманъ...
Для насъ безумныя объятя
Еще невѣдомый дурманъ.

Пока вы рядомъ — смѣхъ и шутки,
Но чуть умолкнули шаги,
Ужъ ваши рѣчи странно-жутки,
И чувствуетъ сердце: вы враги.

Сильны во всемъ, надменны даже,
Мѣняясь вѣчно, тѣ, не тѣ —
При яркомъ свѣтѣ мы на стражѣ,
Но мы безсильны — въ темнотѣ!

Насъ вальсъ и вечеръ — все тревожить,
Въ насъ вѣчно рвется счастья нить...
Неотвратимаго не можетъ,
Ничто не сможетъ отклонить!

Тоска по книгѣ, вешній запахъ,
Оркестра пѣніе вдали —
И мы со вздохомъ въ темныхъ лапахъ,
Сожжемъ, тоскуя, корабли.

Но знайте: въ мигъ, когда безъ силы
И насъ застанетъ страсти адъ,
Мы потому прошепчемъ: „Милый!“
Что будетъ розовымъ закатъ.

6.

СЕСТРЫ.

„Car tout n'est que rêve,
ô ma soeur!“

Имъ ночью тѣ же страны снились,
Ихъ тайно мучилъ тотъ же смѣхъ,
И вотъ, узнавъ его межъ всѣхъ,
Онѣ вдвоемъ надъ нимъ склонились.

Надъ нимъ, любившимъ только древность,
Онѣ вдвоемъ шепнули: „Ахъ!“...
Не шевельнулись въ ихъ сердцахъ
Ни удивленіе, ни ревность.

И рядомъ въ нѣжности, какъ въ злобѣ,
Съ рожденья чуждыя мольбамъ,
Къ его задумчивымъ губамъ
Онѣ прильнули обѣ... обѣ...

Сквозь сонъ отвѣтилъ онъ: „Люблю я!“...
Раскрылъ объятя—залъ былъ пусть!
Но даже смерти съ блѣдныхъ устъ
Не смыть двойного поцѣлуя.

27-го—30-го декабря 1909 г.

7.

НА ПРОЩАНЬЕ.

Mein Herz tragt schwere Ketten,
Die Du mir angelegt.
Ich möcht' mein Leben wetten,
Dass Keine schwerer trägt.

Франкфуртская пѣсенка.

Мы оба любили, какъ дѣти,
Дразня, испытую, играя,
Но кто-то недобрья сѣти
Разставиль, улыбку тая —
И вотъ мы у пристани оба,
Не вѣдавъ желаннаго рая,
Но знай, что безъ словъ и до гроба
Я сердцемъ пребуду—твоя.

Ты все мнѣ повѣдалъ — такъ рано!
Я все разгадала — такъ поздно!
Въ сердцахъ нашихъ вѣчная рана,
Въ глазахъ молчаливый вопросъ,
Земная пустыня безкрайна,
Высокое небо беззвѣдно,
Подслушана нѣжная тайна,
И властенъ навѣки морозъ.

Я буду бесѣдовать съ тѣнью!
Мой милый, забыть нѣту мочи!
Твой образъ недвижимъ подъ сѣнью
Моихъ опустившихся вѣкъ...
Темнѣть... Захлопнули ставни,
На всемъ приближеніе ночи...
Люблю тебя, призрачно-давній,
Тебя одного — и навѣкъ! .

4-го—9-го января 1910 г.

8.

СЛѢДУЮЩЕЙ.

Святая-ль ты, иль нѣтъ тебя грѣшнѣ,
Вступаешь въ жизнь, иль путь твой позади,—
О, лишь люби, люби его нѣжнѣ!
Какъ мальчика баюкай на груди,
Не забывай, что ласки сонъ нужнѣ,
И вдругъ отъ сна объятѣемъ не буди.

Будь вѣчно съ нимъ: пусть вѣрности научатъ
Тебя печаль его и нѣжный взоръ.
Будь вѣчно съ нимъ: его сомнѣнья мучатъ
Коснись его движеніемъ сестеръ.
Но, если сны безгрѣшностью наскучатъ,
Сумѣй зажечь чудовищный костеръ!

Ни съ кѣмъ кивкомъ не обмѣняйся смѣло,
Въ себѣ тоску о прошломъ усыпи.
Будь той ему, кѣмъ быть я не посмѣла:
Его мечты боязнью не сгуби!
Будь той ему, кѣмъ быть я не сумѣла:
Люби безъ мѣръ и до конца люби!

PERPETUUM MOBILE.

Какъ звѣзды меркнуть понемногу
Въ сіяньи солнца золотомъ,
Къ намъ другу другу давалъ дорогу,
Осеннимъ дѣлаясь листомъ,
— И каждый несъ свою тревогу
Въ нашъ безъ того тревожный домъ.

Мы всѣхъ привѣтствіемъ встрѣчали,
Шли безъ заботъ на каждый пиръ,
Одной улыбкой отвѣчали
На бубна звонъ и рокоть лиръ,
— И каждый несъ свои печали
Въ нашъ безъ того печальный міръ.

Поэты, рыцари, аскеты,
Мудрецъ-филологъ съ грудой книгъ...
Вдругъ за лампадой — блескъ ракеты!
За проповѣдникомъ — шутникъ!
— И каждый несъ свои букеты
Въ нашъ безъ того большой цвѣтникъ.

10.

СЛѢДУЮЩЕМУ.

Quasi una fantasia.

Нѣжныя ласки тебѣ уготованы
Добрыхъ сестричекъ.
Ждемъ тебя, ждемъ тебя, принцъ заколдо-
ванный

Пѣснями птичекъ.

Взросъ ты, вспоенная солнышкомъ вѣточка,
Рая явленье,

Нѣжный какъ дѣвушка, тихій какъ дѣточка,
Весь—удивленье.

Скажутъ не разъ: „Эти сестры измѣнчивы
Въ каждомъ отвѣтѣ!“

— Съ дерзкимъ надменны мы, съ робкимъ
застѣнчивы,

Съ мальчиномъ—дѣти.
Любимъ, какъ ты, мы березки, проталинки,
Таянѣ тучекъ,
Любимъ и сказки, о глупенькій, маленькій
Бабушкинъ внучекъ!
Жалобенъ вѣтеръ, весну вспоминающій...
Въ небѣ алмазы...
Ждемъ тебя, ждемъ тебя, жизни не знаю-
щій,
Голубоглазый!

II.

ЛУЧЬ СЕРЕБРИСТЫЙ.

Эхо стонало, шумѣла рѣка,
Ливень стучалъ тяжело,
Лучь серебрястый пронзилъ облака.
Имъ любовались мы долго, пока
Солнышко, солнце взошло!

12.

ВТРОЕМЪ.

— „Мы никого такъ“...

— „Мы никогда такъ“...

— „Ну, что же? Кончайте“...

27-го декабря 1909 г.

Горькой расплаты, забвенья ль вино,—

Чашу мы выпьемъ до дна!

Эта ли? та ли? Не все ли равно!

Нить навсегда создана.

Сладко усталой прильнуть головѣ

Справа и слѣва — къ плечу.

Знаю одно лишь: сегодня ихъ двѣ!

Большаго знать не хочу.

Объ измѣнчивы, объ нѣжны,
Тотъ же задоръ въ голосахъ,
Той же тоскою огни зажжены
Въ слишкомъ похожихъ глазахъ...

Тише, сестрички! Мы будемъ молчать,
Души безъ слова сольемъ.
Какъ неизвѣдано утро встрѣчать
Въ дѣтской, прижавшись, втроемъ...

Розовый отсвѣтъ на зимнемъ окнѣ,
Утренній таетъ туманъ,
Дѣвочки крѣпко прижались ко мнѣ...
О, какой сладкій обманъ!

ОШИБКА.

Когда снѣжинку, что легко летаетъ,
 Какъ звѣздочка упавшая скользя,
 Берешь рукой—она слезинкой таетъ,
 И возвратить воздушность ей нельзя.

Когда плѣнясь прозрачностью медузы,
 Ея коснемся мы капризомъ рукъ,
 Она, какъ плѣнникъ, заключенный въ узы,
 Вдругъ поблѣднѣетъ и погибнетъ вдругъ.

Когда хотимъ мы въ мотылькахъ-скитальцахъ
 Видать не грезу, а земную быль—
 Гдѣ ихъ нарядъ? Отъ нихъ на нашихъ паль-
 цахъ

Одна зарей раскрашенная пыль!

Оставь полетъ снѣжинкамъ съ мотыльками
И не губи медузу на пескахъ!
Нельзя мечту свою хватать руками,
Нельзя мечту свою держать въ рукахъ!

Нельзя тому, что было грустью зыбкой,
Сказать: „Будь страсть! Горя безумствуй,
рдѣй!“

Твоя любовь была такой ошибкой, —
Но безъ любви мы гибнемъ, Чародѣй!

МУКА И МУКА.

— „Все перемелется, будетъ мукой!“
Люди утѣшены этой наукой.
Станетъ мукою, что было тоской?
Нѣтъ, лучше мукой!

* * *

Люди, повѣрьте: мы живы тоской!
Только въ тоскѣ мы побѣдны надъ скукой.
Все перемелется? Будетъ мукой?
Нѣтъ, лучше мукой!

КАТОКЪ РАСТАЯЛЪ.

„...но вѣдь есть катокъ“...

Письмо 17 января 1910 г.

Катокъ растаялъ... Не услада
 За зимней тишью стукъ колесъ.
 Душѣ весенняго не надо
 И жалко зимняго до слезъ.

Зимою грусть была едина...
 Вдругъ новый образъ встанетъ... Чей?
 Душа людская — та же льдина
 И также таетъ отъ лучей.

Пусть въ желтыхъ лютикахъ пригорокъ!
 Пусть смелъ снѣжинку лепестокъ!
 — Душѣ капризной странно дорогъ
 Какъ сонъ растаявшій катокъ...

16.

ВСТРѢЧА.

...„естъ встрѣчи случайны“..
Изъ дорогаго письма.

Гаснулъ вечеръ, какъ мы умиленный
Этимъ первымъ весеннимъ тепломъ.
Быль тревоженъ Арбатъ оживленный;
Добрый вѣтеръ съ участливой лаской
Насъ касался усталымъ крыломъ.
Въ нашихъ душахъ, воспитанныхъ сказкой,
Тихо плакала грусть о быломъ:

Онъ прошелъ—такъ неожиданно! такъ спѣшно!—
Тотъ, кто прежде помогъ бы всему.
А вдали чередой безутѣшно
Фонарей лучезарныя точки
Загорались сквозь легкую тьму...
Всѣ кругомъ покупали цвѣточки;
Мы купили букетикъ... Къ чему?

Въ небесахъ фіолетово-алыхъ
Тихо вянулъ невѣдомый садъ.
Какъ спастись отъ тревогъ запоздалыхъ?
Все вернулось. На мигъ ли? На много ль?
Мы глядѣли безъ словъ на закатъ,
И киваль намъ задумчивый Гоголь
Съ пьедестала, какъ горестный братъ.

Мартъ 1910 г.

ДВА ВЪ КВАДРАТЪ.

Не знали долго ваши взоры,
 Кто изъ сестеръ для нихъ „она“?
 Здѣсь умолкають всѣ укоры,—
 Вѣдь двѣ мы. Ваша ль то вина?

—„Прошелъ онъ!“—„Кто изъ нихъ? Кото-
 рый?“

Къ обоимъ каждая нѣжна.
 Здѣсь умолкають всѣ укоры,—
 Васъ двое. Наша ль то вина?

СВЯЗЬ ЧЕРЕЗЪ СНЫ.

Все лишь на мигъ, что людьми создается,
Блекнетъ восторгъ новизны,
Но неизмѣнной, какъ грусть, остается
Связь черезъ сны.

Успокоенье... Забыть бы... Уснуť бы...
Сладость опущенныхъ вѣкъ...
Сны открываютъ грядущаго судьбы,
Вяжутъ навѣкъ.

Все мнѣ, что бы ни думалъ украдкой,
Ясно, какъ чистый кристалль.
Насъ неразрывной и вѣчной загадкой
Сонъ сочеталъ.

Я не молю: „О, Господь, уничтожи
Муку грядущаго дня!“
Нѣтъ, я молю: „О пошли ему, Боже,
Сонъ про меня!“

Пусть я при встрѣчѣ съ тобою блѣднѣю,—
Какъ эти встрѣчи грустны!
Тайна одна. Мы безсильны предъ нею:
Связь черезъ сны.

Не гони мою память! Лазурны края,
 Гдѣ встрѣчалось мечтаніе наше.
 Будь правдивымъ: не скоро съ такою, какъ я,
 Вновь прильнешь ты къ серебряной чашѣ.

Все не нашею волей разрушено. Пусть!—
 Сладокъ вздохъ объ утраченномъ раѣ!
 Весь ты—майскій! Тебѣ моя майская грусть.
 Все твое, что пригрезится въ маѣ.

Здѣсь не надо свиданья. Мы встрѣтимся
тамъ,
 Гдѣ на правду я правдой отвѣчу;
 Каждый вечеръ по легкимъ и зыбкимъ мо-
стамъ
 Мы выходимъ другъ другу навстрѣчу.

Чуть завиджу знакомый вдали силуэтъ,—
Бьется сердце то чаще, то рѣже...
Ты какъ прежде: не гнѣвный, не мститель-
ный, нѣтъ!
И глаза твои, грустные, тѣ же.

Это грезы. Обоимъ намъ ночь дорога,
Всѣ преграды рушащая смѣло.
Но, проснувшись, мой другъ, не гони, какъ
врага,
Образъ той, что солгать не сумѣла.

И когда онъ возникнетъ въ вечерней тѣни
Подъ призывы былого напѣва,
Ты минувшему счастью съ улыбкой кивни
И ушедшую вспомни безъ гнѣва.

ПРИВѢТЪ ИЗЪ ВАГОНА.

Сильнѣе гуль, какъ будто выше — зданья,
 Въ послѣдній разъ колеблется вагонъ,
 Въ послѣдній разъ... Мы ѣдемъ... До сви-
 данья,

Мой зимній сонъ!

Мой зимній сонъ, мой сонъ до слезъ хо-
 рошій,

Я отъ тебя судьбой унесена.
 Такъ суждено! Не надо мнѣ ни ноши
 Въ пути, ни сна.

Подъ шумъ вагона сладко вѣрится чуду
 И къ дальнимъ днямъ, еще туманнымъ, плыть.
 Миръ такъ широкъ! Тебя въ немъ позабуду
 Я можетъ быть?

Вагонный мракъ какъ будто давить плечи,
Въ окно струей вливается туманъ...
Мой дальній другъ, пойми—всѣ эти рѣчи
Самообманъ!

Что новый край? Вездѣ борьба со скукой,
Все тотъ же смѣхъ и блески тѣхъ же звѣздъ,
И тамъ, какъ здѣсь, мнѣ будетъ сладкой
мукой
Твой тихій жестъ.

9 іюня 1910 г.

ЗЕЛЕНОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ.

Цѣлый вечеръ играли и тѣшились мы ожерельемъ
 Изъ зеленыхъ, до дна отражающихъ взоры,
 камней.
 Ты непрочную нить потянулъ слишкомъ
 сильно,
 И посыпались камни обильно,
 При паденьи сверкая сильнѣй.
 Мы въ тоскѣ разошлись по своимъ не-
 устроеннымъ кельямъ.

Не одно ожерелье вокругъ нашихъ трепет-
 ныхъ пальцевъ
 Обовѣется еще, отдавая насъ новымъ огнямъ.
 Намъ къ сокровищамъ безднъ всѣ дороги
 открыты,
 Наши жадные взоры не сыты,
 И ко всѣмъ драгоценнымъ камнямъ
 Направляемъ шаги мы съ покорностью вѣч-
 ныхъ скитальцевъ.

Пусть погибла виной одного изъ движеній
нежданныхъ
Только разъ въ этомъ мірѣ, лишь намъ за-
блестѣвшая нить!
Пусть надъ пламеннымъ прошлымъ холод-
ная плиты!
Развѣ сможемъ мы тѣ хризолиты
Придорожнымъ стекломъ замѣнить?
Нѣтъ, не надо замѣнъ! Нѣтъ, не надо под-
дѣлокъ стеклянныхъ!

Словно вѣтеръ, что бѣглымъ порывомъ ми-
нувшее будить,
Ты изъ блещущихъ строчекъ опять улыба-
ешься мнѣ.
Все позволено, все! Насъ дневная тоска не
осудить:
Ты изъ сна, я во снѣ...

Кто-то высшій насъ предалъ неназванно-
сладостной мукѣ,
(Будеть много блужданій-скитаній средь
снѣга и тьмы!)
Кто-то высшій развелъ эти нѣжно-сплетен-
ныя руки..
Не отвѣтственны мы!

Но порывъ миновалъ, и приблизился ласково
кто-то,
Кто молиться не могъ, но любилъ. Осуж-
дать не спѣши!
Ты мнѣ памятенъ будешь, какъ самая нѣж-
ная нота
Въ пробужденьи души.

Въ этой грустной душѣ ты бродилъ, какъ
въ незапертомъ домѣ...
(Въ нашемъ домѣ, весною...) Забывшей ме-
ня не зови!
Всѣ минуты свои я тобою наполнила, кромѣ
Самой грустной—любви.

ПЛОХОЕ ОПРАВДАНИЕ.

Какъ влюбленность старо, какъ любовь за-
бываемо-ново:

Утро въ карточный домикъ, смѣясь, превра-
щаетъ нашъ храмъ.

О мучительный стыдъ за вечернее лишнее
слово!

О тоска по утрамъ!

Утонула въ зарѣ голубая, какъ мѣсяцъ,
трирема,

О прощаніи съ нею пусть лучше не пишетъ
перо!

Утро въ жалкій пустырь превращаетъ нашъ
садъ изъ Эдема...

Какъ влюбленность—старо!

Только ночью душѣ посылаются знаки от-
туда,
Оттого все ночное, какъ книгу отъ всѣхъ
береги!
Никому не шепни, просыпаясь, про нѣжное
чудо:
Свѣтъ и чудо—враги!

Твой восторженный бредъ, свѣтомъ розо-
выхъ люстръ золоченый,
Будеть утромъ смѣшонъ. Пусть его не услы-
шить разсвѣтъ!
Будеть утромъ — мудрецъ, будетъ утромъ —
холодный ученый
Тотъ, кто ночью — поэтъ.

Какъ могла я, лишь ночью живя и дыша,
какъ могла я
Лучшій вечеръ отдать на терзанье январь-
скому дню?
Только утро виню я, прошедшему вздохъ
посылая,
Только утро виню!

ПРЕДСКАЗАНЬЕ.

— „У васъ въ душѣ приливы и отливы!“
Ты самъ сказалъ, ты это понялъ самъ!
О, какъ же ты, не вѣрящій часамъ,
Могъ осудить меня за мигъ счастливый?

Что принесетъ грядущая минута?
Чей давній образъ вынырнетъ изъ сна?
Веселый день, а завтра ночь грустна...
Какъ осуждать за что-то, почему-то?

О, какъ ты могъ! О, мудрый, какъ могли вы
Сказать „враги“ двумъ бѣлымъ парусамъ?
Вѣдь знали вы... Ты это понялъ самъ:
Въ моей душѣ приливы и отливы!

ОБА ЛУЧА.

Солнечный? Лунный? О мудря Парки,
 Что мнѣ отвѣтить? Ни воли, ни силъ!
 Лучъ серебристый молился, а яркій
 Нѣжно любилъ.

Солнечный? Лунный? Напрасная битва!
 Каждую искорку, сердце, лови!
 Въ каждой молитвѣ—любовь, и молитва —
 Въ каждой любви!

Знаю одно лишь: погашенныхъ въ плачѣ
 Жалкая мнѣ не замѣнить свѣча.
 Буду любить, не умѣя иначе —
 Оба луча!

РАЗНЫЯ ДѢТИ.

Есть тихія дѣти. Дремають на плечѣ
 У ласковой мамы имъ сладко и днемъ.
 Ихъ слабыя ручки не рвутся къ свѣчѣ,—
 Они не играютъ съ огнемъ.

Есть дѣти—какъ искры: имъ пламя сродни.
 Напрасно ихъ учать: „Вѣдь жжется, не
 тронь!“
 Они своенравны (вѣдь искры они!)
 И смѣло хватають огонь.

Есть странныя дѣти: въ нихъ дерзость и
 страхъ.
 Крестомъ потихоньку себя осѣня,
 Подходятъ, не смѣють, блѣднѣють въ сле-
 захъ
 И плача бѣгутъ отъ огня.

Мой милый! Былъ слишкомъ небреженъ
твой судъ:
„Огня побоялась—такъ гини во мглѣ!“
Твои обвиненья мнѣ сердце грызутъ
И душу пригнули къ землѣ.

Есть странныя дѣти: отъ страховъ своихъ
Они погибаютъ въ туманные дни.
Имъ нѣту спасенья. Подумай о нихъ
И слишкомъ меня не вини!

Ты душу надолго пригнулъ мнѣ къ землѣ...
—Мой милый, былъ такъ безошаденъ твой
судъ!—
Но все же я сердцемъ твоя—и во мглѣ
„За нѣсколько свѣтлыхъ минутъ!“

29.

НАША ЗАЛА.

Мнѣ тихонько шепнула вечерняя зала
Укоряющимъ тономъ, какъ няня любовно:
— „Почему ты по дому скитаешься, словно
Только утромъ приѣхавъ съ вокзала?“

* * *

Безпорядочной грудой разбросаны вещи,
Погляди, какъ растрепаны пыльные ноты!
Хоть какъ прежде съ покорностью смот-
ришь въ окно ты,
Но шаги твои мѣрные рѣзче.

* *
*

Въ этомъ дремлющемъ домѣ ты словно чужая,
Словно грустная гостя, безъ силы къ утѣхамъ.
Никого не встрѣчаешь взволнованнымъ смѣхомъ,
Ни о комъ не грустишь, провожая.

* *
*

Много женщинъ видала на долгомъ вѣку я,
— Въ этомъ домѣ ихъ муки, увы, не случайны!—
Мнѣ въ октябрьскій вечеръ тяжелыя тайны
Не одна повѣряла, тоскуя.

* *
*

О, не бойся меня, не противься упрямо:
Какъ столѣтняя зала внимаетъ не каждый!
Все скажи мнѣ, какъ все рассказала однажды
Мнѣ твоя одинокая мама.

По тебѣ тоскуетъ наша зала,
—Ты въ тѣни ея видалъ едва—
По тебѣ тоскуютъ тѣ слова,
Что въ тѣни тебѣ я не сказала.
Каждый вечеръ я скитаюсь въ ней,
Повторяя въ мысляхъ жесты, взоры...
На обояхъ прежніе узоры,
Сумракъ льется изъ окна синѣи;
Тѣ же люстры, полукругъ дивана,
(Только жаль, что люстры не горять!)
Филодендроновъ унылый рядъ,
По угламъ разставленныхъ безъ плана.
Спичекъ нѣтъ,—ужъ кто-то ихъ унесъ!
Сѣрый котъ крадется изъ передней...
Это часъ моихъ любимыхъ бредней,
Лучшихъ думъ и самыхъ горькихъ слезъ.

Кто за дѣломъ, кто стремится въ гости...
По роялю бродить сонный лучъ.
Поиграть? Давно потерянь ключъ!
О часы, свой бой унылый бросьте!
По тебѣ тоскуютъ тѣ слова,
Что въ тѣни услышитъ только зала.
Я тебѣ такъ мало рассказала,—
Ты въ тѣни меня видалъ едва!

НАДПИСЬ ВЪ АЛЬБОМЪ.

Пусть я лишь стихъ въ твоёмъ альбомѣ,
Едва поющій, какъ родникъ;
(Ты сталъ мнѣ лучшею изъ книгъ,
А ихъ не мало въ старомъ домѣ!)
Пусть я лишь стебель, въ свѣтлый мигъ
Тобой, жалѣющимъ, не смятый;
(Ты для меня цвѣтникъ богатый,
Благоухающій цвѣтникъ!)
Пусть такъ. Но вотъ въ полуистомѣ
Ты надъ страничкою поникъ...
Ты вспомнишь все... Ты сдержишь крикъ...
—Пусть я лишь стихъ въ твоёмъ альбомѣ!

СЕРДЦА И ДУШИ.

Души въ насъ—залы для рѣдкихъ гостей,
Знающихъ прелесть тепличныхъ растеній.
Въ нихъ отдыхаютъ отъ скорбныхъ путей
Разныя миляя тѣни.

Тѣсныя келейки—наши сердца.
Въ нихъ заключенный одинъ до могилы.
Въ келью мою заточень до конца
Ты безъ товарища, милый!

ЗИМОЙ.

Снова поютъ за стѣнами
Жалобы колоколовъ...
Нѣсколько улицъ межъ нами,
Нѣсколько словъ!
Городъ во мглѣ засыпаетъ,
Серпъ серебрястый возникъ,
Звѣздами снѣгъ осыпаетъ
Твой воротникъ.
Ранятъ ли прошлаго зовы?
Долго ли раны болятъ?
Дразнитъ заманчиво-новый,
Блещущій взглядъ.
Сердцу онъ (карій иль синій?)
Мудрыхъ важнѣе страницъ!

Бѣлыми дѣлаетъ иней
Стрѣлы рѣсницъ...
Смолкли безъ силъ за стѣнами
Жалобы колоколовъ.
Нѣсколько улицъ межъ нами,
Нѣсколько словъ!
Мѣсяцъ склоняется чистый
Въ души поэтовъ и книгъ,
Сыплется снѣгъ на пушистый
Твой воротникъ.

ТАКЪ БУДЕТЪ.

Словно тихій ребенокъ, обласканный тьмой,
Съ безконечнымъ томленьемъ въ блуждаю-
щемъ взорѣ,
Ты застылъ у окна. Въ коридорѣ
Чей-то шагъ торопливый — не мой!

* *
* *
*

Дверь открылась... Морознаго вѣтра струя...
Запахъ свѣжести, счастья... Забыты тревоги...
Мигъ молчанья, и вотъ на порогѣ
Кто-то слабо смѣется—не я!

35.

ПРАВДА.

Vitam impendere vero.

Миръ утомленный вздохнулъ отъ смятеній,
Розовый вечеръ струитъ забытьѣ...
Насъ разлучили не люди, а тѣни,
Мальчикъ мой, сердце мое!

* * *

Высятся стѣны, туманомъ одѣты,
Солнце безъ силъ уронило копье...
Въ мирѣ вечернемъ мнѣ холодно. Гдѣ ты,
Мальчикъ мой, сердце мое?

* * *

Ты не услышишь. Надвинулись стѣны,
Все потухаетъ, сливается все...
Не было, нѣтъ и не будетъ замѣны,
Мальчикъ мой, сердце мое!

Москва, 27 августа 1910 г.

ТОЛЪКО ТЪНИ.

L'imagination gouverne le monde.

Napoléon I.

...et j'ignore absolument ce que
je saurais être dans l'action.

Napoléon II.

I.

ВЪ КРЕМЛѢ.

Тамъ, гдѣ миллионы звѣздъ-лампадокъ
Горятъ предъ ликомъ старины,
Гдѣ звонъ вечерній сердцу сладокъ,
Гдѣ башни въ небо влюблены;
Тамъ, гдѣ въ тѣни воздушныхъ складокъ
Прозрачно-бѣлы бродятъ сны—
Я понялъ смыслъ былыхъ загадокъ,
Я сталъ повѣреннымъ луны.

Въ бреду, съ прерывистымъ дыханьемъ,
Я все хотѣлъ узнать, до дна:
Какимъ таинственнымъ страданьямъ
Царица въ небѣ предана
И почему къ столѣтнимъ зданьямъ
Такъ нѣжно льнетъ, всегда одна...
Что на землѣ зовутъ преданьемъ,—
Мнѣ все повѣдала луна.

Въ расшитыхъ шелкомъ покрывалахъ,
У оконъ сумрачныхъ дворцовъ,
Я увидалъ царицъ усталыхъ,
Въ глазахъ чьихъ замеръ тихій зовъ.
Я увидалъ, какъ въ старыхъ сказкахъ,
Мечи, вѣнецъ и древній гербъ,
И въ чьихъ-то дѣтскихъ, дѣтскихъ гла-
кахъ
Тотъ свѣтъ, что леть волшебный серпъ.

О, сколько глазъ изъ этихъ оконъ
Глядѣли вслѣдъ ему съ тоской,
И сколькихъ за собой увлекъ онъ
Туда, гдѣ радость и покой!
Я увидалъ монахинь блѣдныхъ,
Земли отверженныхъ дѣтей,
И въ ихъ молитвахъ заповѣдныхъ
Я уловилъ пожаръ страстей.
Я угадалъ въ блужданьи взглядовъ:
— „Я жить хочу! На что мнѣ Богъ?“
И въ складкахъ траурныхъ нарядовъ
Къ лунѣ идущій, долгій вздохъ.

Скажи, луна, за что страдали
Онѣ въ плѣну своихъ свѣтлицъ?
Чему въ угоду погибали
Рабыни съ душами царицъ,
Что изъ глухихъ опочиваленъ
Рвались въ зеленя поля?
—И былъ луны отвѣтъ печаленъ
Въ стѣнахъ угрюмаго Кремля.

Осень 1908 г. Москва.

II.

У ГРОБИКА.

Екатеринѣ Павловнѣ Пѣшковой.

Мама свѣтло разукрасила гробикъ.
Дремлетъ малютка въ воскресномъ нарядѣ.
Больше не рвутся на лобикъ
Русыя пряди;

Дѣтской головки, выдавшей такъ мало,
Круглая больше не давить гребенка...
Только о радостномъ знало
Сердце ребенка.

Вѣкъ пятилѣтній такъ весело прожить:
Много проворныя ручки шалили!
Греси, никто не тревожить,
Греси межъ лилій...

Ищутъ цвѣты къ ней поближе мѣстечко,
(Тѣсно ей кажется въ новой кровати).
Знаютъ цвѣты: золотое сердечко
Было у Кати!

III.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО.

Л. А. Т.

О будь печальна, будь прекрасна,
Храни въ душѣ осенній садъ!
Пусть будетъ свѣтель твой закатъ,
Ты надъ зарей была не властна.

Такой какъ ты нельзя обидѣть:
Суровый звукъ—порвется нить!
Не намъ судить, не намъ винить...
Нельзя за тайну ненавидѣть.

Въ странѣ несбывшихся гаданій
Живешь одна, отъ всѣхъ вдали.
За счастье жалкое земли
Ты не отдашь своихъ страданій.

Вѣдь нашей жизни вся отрада
Къ бокалу прошлаго прильнуть.
Не знаемъ мы, гдѣ вѣрный путь,
И не судить, а плакать надо.

IV.

ЭПИТАФИЯ.

Л. А. Т.

На землѣ.

— „Забилась въ уголъ, глядишь упрямо...

Скажи, согласна? Мы ждемъ давно“.

— „Ахъ, я не знаю. Оставьте, мама!

Оставьте, мама! Мнѣ все равно!“

Въ землѣ.

— „Не тяжки-ль вздохи усталой груди?

Въ могилѣ тѣсной всегда-ль темно?“

— „Ахъ, я не знаю. Оставьте, люди!

Оставьте, люди! Мнѣ все равно!“

V.

ДАМЪ СЪ КАМЕЛЯМИ.

Всѣ твой путь блестящей залой зла
Маргарита, осуждаютъ смѣло.
Въ чемъ вина твоя? Грѣшило тѣло!
Душу ты—невинной сберегла.

Одному, другому, всѣмъ равно,
Всѣмъ кивала ты съ усмѣшкой зыбкой.
Этой горестной полуулыбкой
Ты оплакала себя давно.

Кто пойметъ? Рука поможетъ чья?
Всѣхъ одно плѣняетъ безъ изъятья!
Вѣчно ждуть раскрытыя объятья,
Вѣчно ждуть: „Я жажду! Будь моя!“

День и ночь признаній лживыхъ ядъ...
День и ночь, и завтра вновь, и снова!
Говорилъ краснорѣчивѣй слова
Темный взглядъ твой, мученицы взглядъ.

Все тѣснѣй проклятое кольцо,
Мститъ судьба богинѣ полусвѣтской...
Нѣжный мальчикъ вдругъ съ улыбкой дѣт-
ской
Заглянулъ тебѣ, грустя, въ лицо...

О любовь! Спасаетъ міръ — она!
Въ ней одной спасенье и защита.
Все въ любви. Спи съ миромъ, Маргарита...
Все въ любви... Любила — спасена!

VI.

ВОКЗАЛЬНЫЙ СИЛУЭТЪ.

Не знаю васъ и не хочу
Терять, узнавъ, иллюзій звѣздныхъ.
Съ такимъ лицомъ и въ худшихъ безднахъ
Бываютъ преданны лучу.

У всѣхъ, отмѣченныхъ судьбой,
Такія замкнутыя лица.
Вы непрочтенная страница
И, нѣтъ, не станете рабой!

Съ такимъ лицомъ рабой? О, нѣтъ!
И здѣсь ошибки нѣтъ случайной.
Я знаю: многимъ будутъ тайной
Вашъ взглядъ и тонкій силуэтъ,

Волось тяжелое кольцо
Изъ подъ наброшеннаго шарфа
(Вамъ шла бѣ гитара или арфа)
И ваше блѣдное лицо.

Я васъ не знаю. Можетъ быть
И вы какъ всѣ любезно-средни...
Пусть такъ! Пусть это будутъ бредни!
Вѣдь только бредней можно жить!

Быть можетъ день недалеко,
Я все пойму, что неприглядно...
Но ошибаться—такъ отраднo!
Но ошибиться—такъ легко!

Слегка за шарфъ держась рукой,
Тамъ, гдѣ свистки гудятъ съ тревогой,
Стояли вы загадкой строгой.
Я буду помнить васъ — такой.

Севастополь. Пасха, 1909 г.

VII.

Какъ просторъ нашихъ горестныхъ нивъ
Вы окутаны грустною дымкой;
Вы живете для всѣхъ невидимкой,
Слишкомъ много въ груди схоронивъ.

Въ васъ пѣвучій и мѣрный отливъ,
Не сродни вамъ съ людьми поединки,
Вы живете, съ кристальностью льдинки
Безконечную ласковость сливъ.

Я люблю въ васъ большіе глаза,
Тонкій профиль задумчиво-четкій,
Ожерелье на шеѣ, какъ четки,
Ваши рѣчи—ни противъ, ни за...

Изъ страны утомленной луны
Вы спустились на тоненькой ниткѣ.
Вы, какъ всѣ самородные слитки,
Такъ невольно, такъ гордо скромны.

За отливомъ приходитъ приливъ,
Тая, льдинки свѣтлѣе, чѣмъ слезки,
Потухаютъ и лунныя блески,
Замираетъ и лучшій мотивъ...

Вы жъ останетесь той, что теперь,
На огнѣ затаенномъ сгорая...
Вы чисты, и далекаго рая
Вамъ откроется свѣтлая дверь!

VIII.

НИНЪ.

Къ утѣшеніямъ друга-рояля
Ты ушла отъ излюбленныхъ книгъ.
Чей-то шепотъ въ напѣвахъ возникъ,
Безпокоя тебя и печалю.

Тѣ же синіе лѣтніе дни,
Тѣ же въ небѣ и звѣзды и тучки...
Ты сомкнула усталыя ручки,
И лицо твое, Нина, въ тѣни.

Словно просьбы застѣнчивой ради
Повторился послѣдній аккордъ.
Чей-то образъ изъ сердца не стертъ!..
Все какъ прежде: портреты, тетради,

Грустныхъ ландышей въ вазѣ цвѣты,
Тамъ мірокъ на диванѣ кошачій...
Въ тихихъ комнаткахъ маленькой дачи
Все какъ прежде. Какъ прежде и ты.

Дѣтскій взоръ твой, что грустно тревожить,
Я изъ сердца, о нѣтъ, не сотру.
Я любила тебя какъ сестру
И нѣжнѣе, и глубже, быть можетъ!

Какъ сестру, а теперь вдалькѣ,
Какъ царевну изъ грезъ Андерсена...
Здѣсь, въ Парижѣ, гдѣ катится Сена,
Я съ тобою, какъ тамъ, на Окѣ.

Пусть межъ нами молчанья равнина
И запутанность сложныхъ узловъ.
Есть напѣвы, напѣвы безъ словъ,
О любимая, дальняя Нина!

IX.

ВЪ ПАРИЖѢ.

Дома до звѣздъ, а небо ниже,
Земля въ чаду ему близка.
Въ большомъ и радостномъ Парижѣ
Все та же тайная тоска.

Шумны вечерніе бульвары,
Послѣдній лучъ зари угасъ,
Вездѣ, вездѣ все пары, пары,
Дрожанье губъ и дерзость глазъ.

Я здѣсь одна. Къ стволу каштана
Прильнуть такъ сладко головѣ!
И въ сердцѣ плачетъ стихъ Ростана
Какъ тамъ, въ покинутой Москвѣ.

Парижъ въ ночи мнѣ чуждъ и жалокъ,
Дороже сердцу прежній бредъ!
Иду домой, тамъ грусть фіалокъ
И чей-то ласковый портретъ.

Тамъ чей-то взоръ печально-братскій,
Тамъ нѣжный профиль на стѣнѣ.
Rostand и мученикъ-Рейхштадтскій
И Сара—всѣ придутъ во снѣ!

Въ большомъ и радостномъ Парижѣ
Мнѣ снятся травы, облака,
И дальше смѣхъ, и тѣни ближе,
И боль какъ прежде глубока.

Парижъ, июнь 1909 г.

Х.

ВЪ ШЕНБРУННЪ.

Нѣженъ первый вздохъ весны,
Ночь тепла, тиха и лунна.
Снова слезы, снова сны
Въ замкѣ сумрачномъ Шенбрунна.

Чей то бѣлый силуэтъ
Надъ столомъ поникнулъ ниже.
Снова вздохи, снова бредъ:
„Марсельеза! Тронъ!.. Въ Парижѣ“...

Буквы ринулись съ страницъ,
Строчка—полкъ. Запѣли трубы...
Капли падаютъ съ рѣсницъ,
„Вновь съ тобой я!“ шепчутъ губы.

Лампы тусклый полусвѣтъ
Меркнетъ, ночь зато свѣтлѣе.
Чей тамъ грозный силуэтъ
Выросъ въ глубинѣ аллеи?

... Принцъ австрійскій? Это роль!
Герцогъ? Сонъ! Въ Шенбруннѣ зимы?
Нѣтъ, онъ маленькій король!
— „Императоръ, сынъ любимый!“

Мчимся! Цѣпи далеки,
Мы свободны. Нѣту плѣна.
Видишь, милый, огоньки?
Слышишь всплески? Это Сена!“

Какъ широкъ отцовскій плащъ!
Конь летитъ, огнемъ объятый.
„Что рокочетъ тамъ, межъ чашъ?
„Море, что-ли?“ — „Сынъ, — солдаты!“

— „О, отецъ! Какъ ты горишь!
Погляди, а тамъ направо, —
Это рай?“ — „Мой сынъ — Парижъ!“
— „А надъ нимъ склонилась?“ — „Слава“.

Въ яркомъ блескѣ Тюилери,
Развѣваются знамена.
— „Ты страдалъ! Теперь цари!
Здравствуй, сынъ Наполеона!“

Барабаны, звуки струнъ,
Всѣ въ цвѣтахъ... Ликують дѣти...
Все спокойно. Спитъ Шенбрунъ.
Кто-то плачетъ въ лунномъ свѣтѣ.

XI.

КАМЕРАТА.

„Au moment où je me disposais à monter l'escalier, voilà qu'une femme, envelopée dans un manteau, me saisit vivement la main et l'embrassa“..

Prokesh-Osten „Mes relations avec le duc de Reichstadt“.

Его любя сильнѣй, чѣмъ брата,
—Любя въ немъ родъ, и тронъ, и кровь,—
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, какъ горитъ любовь.

Ты вдругъ, не вѣнчана обрядомъ,
Безъ пѣнья хора, миртъ и лентъ,
Рука съ рукой вошла съ нимъ рядомъ
Въ прекраснѣйшую изъ легендъ.

Благословивъ его на муку,
Склонившись, какъ идуть къ гробамъ,
Ты, какъ святыню, принца руку
Блѣднѣя, поднесла къ губамъ.

И опустились принца вѣки,
И понялъ онъ безъ словъ, въ тиши,
Что этимъ жестомъ вдругъ навѣки
Соединились двѣ души.

Что вамъ Ромео и Джульета,
Пѣснь соловья межъ темныхъ чашъ!
Другъ другу вняли—безъ обѣта
Мундиръ какъ снѣгъ и черный плащъ.

И вотъ, великой силой жеста,
Вы стали до скончанья лѣтъ
Женихъ и блѣдная невѣста,
Хоть не былъ изречень обѣтъ.

Стоите: въ траурномъ нарядѣ,
Въ волнахъ прически темной - ты,
Онъ—въ орсолѣ свѣтлыхъ прядей,
И оба дѣти, и цвѣты.

Вась не постигнула расплата,
Затѣмъ, что въ вась—дремала кровь...
О, дочь Элизы, Камерата,
Ты знала, какъ горить любовь!

ХП.

РАЗСТАВАНІЕ.

Твой конь какъ прежде вихремъ скачетъ
По парку позднею порой...
Но въ сердцѣ тѣнь, и сердце плачетъ,
Мой принцъ, мой мальчикъ, мой герой.

* *
*

Мнѣ шепчетъ голосъ безъ названья:
— „Ахъ, гнета грезы—не снести!“
Предъ вѣчной тайной разставанья
Прими, о принцъ, мое прости.

* *
*

О сынѣ Божьемъ эти строфы:
Онъ, вѣчно-свѣтель, вѣчно-юнь,
Купилъ безсмертье днемъ Голговы,
Твоей Голговой былъ Шенбрунъ.

* *
*

Звучали мнѣ призывомъ Бога
Твоихъ крестинъ колокола...
Я отдала тебѣ—такъ много!
Я слишкомъ много отдала!

* *
*

Теперь мой духъ почти спокоенъ,
Его укоромъ не смущай...
Прощай, тоской сраженный воинъ,
Орленокъ раненый, прощай!

* *
*

Ты былъ мой бредъ свѣтло-немудрый,
Ты сонъ, какихъ не будетъ вновь...
Прощай, мой герцогъ свѣтлокудрый,
Моя великая любовь!

ХІІІ.

МОЛИТВА.

Христось и Богъ! Я жажду чуда
Теперь, сейчасъ, въ началъ дня!
О, дай мнѣ умереть, покуда
Вся жизнь какъ книга для меня.

Ты мудрый, ты не скажешь строго:
— „Терпи, еще не конченъ срокъ“.
Ты самъ мнѣ подалъ—слишкомъ много!
Я жажду сразу—всѣхъ дорогъ!

Всего хочу: съ душой цыгана
Итти подъ пѣсни на разбой,
За всѣхъ страдать подъ звукъ органа
И амазонкой мчаться въ бой;

Гадать по звѣздамъ въ черной башнѣ,
Вести дѣтей впередъ, сквозь тѣнь...
Чтобъ былъ легендой—день вчерашій,
Чтобъ былъ безумьемъ—каждый день!

Люблю и крестъ, и шелкъ, и каски,
Моя душа мгновений слѣдъ...
Ты далъ мнѣ дѣтство—лучше сказки
И дай мнѣ смерть—въ семнадцать лѣтъ!

Таруса, 26 сентября 1909 г.

XIV.

КОЛДУНЯ.

Я—Эва, и страсти мои велики:
Вся жизнь моя страстная дрожь!
Глаза у меня огоньки-угольки,
А волосы спѣлая рожь,
И тянутся къ нимъ изъ хлѣбовъ васильки.
Загадочный вѣкъ мой—хорошъ.

Видалъ ли ты эльфовъ въ полночную тьму
Сквозь дымъ лиловатый костра?
Звонящихъ монетъ отъ тебя не возьму,—
Я призрачныхъ эльфовъ сестра...
А если забросишь колдунью въ тюрьму,
То гибель въ неволѣ быстра!

Ты рыцарь, ты смѣлый, твой голосъ ручей,
Съ утеса стремящійся внизъ.

Отъ глазъ моихъ темныхъ, отъ дерзкихъ
рѣчей

Къ невѣстѣ любимой вернись!

Я, Эва, какъ вѣтеръ, а вѣтеръ—ничей...

Я сонъ твой. О рыцарь, проснись!

Аббаты, свершая полночный дозоръ,

Сказали: „Закрой свою дверь

Безумной колдуньѣ, чьи рѣчи позоръ.

Когдунья лукава, какъ звѣрь!“

—Быть можетъ и правда, но темень мой
взоръ,

Я тайна, а тайному вѣрь!

Въ чемъ грѣхъ мой? Что въ церкви слезамъ
не учусь,

Смѣясь на яву и во снѣ?

Повѣрь мнѣ: я смѣхомъ отъ боли лечусь,

Но въ смѣхѣ не радостно мнѣ!

Пройдай же, мой рыцарь, я въ небо умчусь

Сегодня на лунномъ конѣ!

XV.

АНЖЕЛИКА.

Темной капеллы, гдѣ плачетъ органъ,
Близости кроткаго лика!..
Счастья земного мнѣ чуждъ ураганъ:
Я—Анжелика.

Тихое пѣнье звучить въ униссонъ,
Оконъ неясны разводы,
Жизнью моею овладѣли, какъ сонъ,
Стройные своды.

Взоръ мой и въ дѣтствѣ туда ускользалъ,
Онъ городами измученъ.
Скученъ мнѣ говоръ и блещущій залъ,
Миръ мнѣ—такъ скученъ!

Кто-то предъ Дѣвой затеплилъ свѣчу,
(Ждетъ исцѣленья-ль больная?)
Вотъ отчего я межъ вами молчу:
Вся я—иная.

Сладостна слабость опущенныхъ рукъ,
Всякая скорбь здѣсь легка мнѣ.
Плющъ темнолиственный обнялъ какъ другъ
Старые камни;

Бѣло и розово, словно миндаль,
Здѣсь расцвѣла павилика...
Счастья не надо. Мнѣ міра не жаль:
Я—Анжелика.

XVI.

ДОБРЫЙ КОЛДУНЪ.

Все видитъ, все знаетъ твой мудрый зра-
чекъ,

Сердца тебѣ ясны, какъ травы.
Зачѣмъ ты межъ нами, лѣсной старичекъ,
Колдунъ безобидно-лукавый?

Душою до гроба застѣнчиво-юнъ,
Живешь, упоенъ небосводомъ.
Зачѣмъ ты межъ нами, лукавый колдунъ,
Весь пахнущій лѣсомъ и медомъ?

Какъ раннія зори покинуть ты могъ,
Заросшія макомъ полянки,
И старенькій улей, и сѣрый дымокъ,
Встающій надъ крышей землянки?

Какъ могъ промѣнять ты любимыхъ звѣрей,
Свой лѣсъ, гдѣ цвѣтетъ Небылица,
На мѣръ экипажей, трамваевъ, дверей,
На дружески-скучныя лица?

Вернись: безъ тебя не горять свѣтляки,
Не шепчутся темныя елки,
Безъ ласково-твердой хозяйской руки
Скучаютъ мохнатыя пчелки.

Повѣрь мнѣ: межъ нами никто не пойметъ,
Какъ сладокъ черемухи запахъ.
Не медли, а то не остался бы медъ
Въ невѣжливыхъ мишкиныхъ лапахъ!

Кто снадобье знаетъ, колдунъ, какъ не ты
Чтобы вылечить звѣря иль бѣса?
Уйди, старичекъ, отъ людской суеты
Подъ своды родимаго лѣса!

ХVII.

ПОТОМОКЪ ШВЕДСКИХЪ КОРОЛЕЙ.

О вы, кому всего милѣй
Побѣдоносные аккорды,—
Падите ницъ! Предъ вами гордый
Потомокъ шведскихъ королей.

Мой славный родъ—моя отравя!
Я отъ тоски сгораю—весь!
Падите ницъ: предъ вами здѣсь
Потомокъ славнаго Густава.

Съ надменной думой на лицѣ
Въ своемъ міркѣ невинно-дѣтскомъ
Я о престолѣ грезилъ шведскомъ,
О войнахъ, казняхъ и вѣнцѣ.

Въ моихъ глазахъ тоской о чудѣ
Такая ненависть зажглась,
Что этихъ слишкомъ гнѣвныхъ глазъ,
Не вынося, боялись люди.

Теперь я блѣденъ сталъ и слабъ,
Я плѣнникъ самой горькой боли,
Я призракъ утренній—не болѣ...
Но каждый врагъ мнѣ, кто не рабъ!

Вспоенъ легендой дорогою,
Умру, легенды палладинъ,
И мой привѣтъ для всѣхъ одинъ:
„Ты могъ бы быть моимъ слугою!“

XVIII.

НЕДОУМЪНИЕ.

Какъ не стыдно! Ты, такой не робкій,
Ты, въ стихахъ поющій новолунье,
И дриадъ, и глохнущія тропки,—
Испугался маленькой колдуньи!

Испугался глазъ ея янтарныхъ,
Этихъ дѣтскихъ, слишкомъ алыхъ губокъ.
Убоявшись чаръ ея коварныхъ,
Не посмѣлъ испить шипящій кубокъ?

Былъ испуганъ пламенной отравой
Свѣтлыхъ глазъ, гдѣ только искры видно?
Испугался дѣвочки кудрявой?
О, поэтъ, тебѣ да будетъ стыдно!

ХІХ.

ОБРЕЧЕННАЯ.

Блѣдныя ручки коснулись рояля
Медленно, словно безъ силъ.
Звуки заплѣли, томленьемъ печалы.
Кто твои думы смутилъ,
Блѣдная дѣвушка, тамъ, у рояля?

Тотъ, кто слѣдить за тобой,
— Словно акула за маленькой рыбой—
Онъ твоей будетъ судьбой!
И не о добромъ онъ мыслить съ улыбкой,
Тотъ, кто стоитъ за тобой.

Съ радостнымъ видомъ хлопчутъ родные:
Дочка—невѣста! Ихъ дочь!
Если и снились ей грезы иныя,—
Грезы развѣются въ ночь!
Съ радостнымъ видомъ хлопчутъ родные.

Свѣтлая церковь, кольцо,
Шумъ, поздравленія, съ образомъ мальчикъ...
Дѣвушка скрыла лицо,
Смотритъ съ тоскою на узенькій пальчикъ,
Гдѣ загорится кольцо.

XX.

На солнце, на вѣтеръ, на вольный просторъ
Любовь уносите свою!

Чтобъ только не видѣлъ вашъ радостный
взоръ

Во всякомъ прохоемъ судью.

Бѣгите на волю, въ долины, въ поля,

На травкѣ танцуйте легко

И пейте, какъ рѣзвыя дѣти шала,

Изъ кружекъ большихъ молоко.

О ты, что впервые смущенно влюбленъ,

Довѣрся превратностямъ грезъ!

Бѣги съ ней на волю, подъ ветлы, подъ
кленъ,

Подъ юную зелень березъ;

Пасите на розовыхъ склонахъ стада,

Внимайте журчанію струй

И друга, шалуня, ты здѣсь безъ стыда
Въ красивыя губы цѣлуй!
Кто юному счастью прошепчетъ укоръ?
Кто скажетъ: „Пора!“ забытью?
— На солнце, на вѣтеръ, на вольный про-
сторъ
Любовь уносите свою!

Шолохово, февраль 1910 г.

XXI.

ОТЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДО СЕМИ.

Въ сердцѣ, какъ въ зеркалѣ, тѣнь,
Скучно одной—и съ людьми...
Медленно тянется день
Отъ четырехъ до семи!
Къ людямъ не надо—солгутъ,
Въ сумеркахъ каждый жестокъ.
Хочется плакать мнѣ. Въ жгутъ
Пальцы скрутили платокъ.
Если обидишь—прощу,
Только меня не томи!
— Я безконечно грущу
Отъ четырехъ до семи.

XXII.

ВОЛЕЙ ЛУНЫ.

Мы выходимъ изъ столовой
Тѣмъ же шагомъ, какъ вчера:
Въ залѣ облачно-лиловой
Безутѣшны вечера!
Здѣсь на всемъ отгѣнокъ давнѣй,
Горе всюду прилегло,
Но пока открыты ставни
Будетъ облачно-свѣтло.
Всюду ласка легкой пыли.
(Что послушнѣй? Что нѣжнѣй?)
Тѣ, ушедшіе, любили
Рисовать рученкой въ ней.
Этихъ маленькихъ рученокъ
Ждутъ рояль и зеркала.

Былъ рояль когда-то звонокъ!
Зала радостна была!
Люстра, клавишъ—все звенѣло,
Увлекаясь ихъ игрой...
Хлопнулъ ставень — потемнѣло,
Закрывается второй...
Кто тамъ шепчетъ еле-еле?
Или въ домѣ не мертво?
Это струйкой льется въ щели
Лунной ночи колдовство.
Въ зеркалахъ при лунномъ свѣтѣ
Снова живъ огонь зрачковъ,
И недвижимъ на паркетѣ
Слѣдъ остывшихъ башмачковъ.

XXIII.

ROUGE ET BLEUE.

Дѣвочка въ красномъ и дѣвочка въ синемъ
Вмѣстѣ гуляли въ саду.

— „Знаешь, Алина, мы платьица скинемъ,
Будемъ купаться въ пруду?“.

Пальчикомъ тонкимъ грозя,
Строго отвѣтила дѣвочка въ синемъ:
— „Мама сказала — нельзя“.

Дѣвушка въ красномъ и дѣвушка въ синемъ
Вечеромъ шли вдоль межи.

— „Хочешь, Алина, все бросимъ, все ки-
немъ,

Хочешь, уѣдемъ? Скажи!“

Вздохомъ сквозь вешній туманъ

Грустно отвѣтила дѣвушка въ синемъ:

— „Полно! вѣдь жизнь — не романъ“...

Женщина въ красномъ и женщина въ синемъ

Шли по аллеѣ вдвоемъ.

— „Видишь, Алина, мы блекнемъ, мы стынемъ, —

Плѣнницы въ счастье своемъ“...

Съ полуулыбкой изъ тьмы

Горько отвѣтила женщина въ синемъ:

— „Что же? Вѣдь женщины мы!“.

XXIV.

СТОЛОВАЯ.

Столовая, четыре раза въ день
Миришь на мигъ во всемъ другъ друга чуж-
дыхъ.

Здѣсь разговоръ о самыхъ скучныхъ нуж-
дахъ,

Безмолвенъ тотъ, кому отвѣтить лѣнь.

Все неустойчиво, недружелюбно, ломко,
Тарелокъ стукъ... Бесѣда коротка:

— „Хотѣла въ семь она притти съ катка?“

— „Нѣтъ, къ девяти“—отвѣтитъ экономка.

Звонокъ.— „Насъ нѣтъ: уѣхали, скажи!“

— „Сегодня мы обѣдаемъ безъ свѣта“...

Вновь тишина, не ждущая отвѣта;

Ведутъ бесѣду съ вилками ножи.

— „Всѣ кончили? Анята, на тарелки!“
Враждебный тонъ въ негромкихъ голосахъ,
И всѣ глядятъ, какъ на стѣнныхъ часахъ
Одна другую догоняють стрѣлки.

Роняють стуль... Торопятся шаги...
Прощай, о миръ изъ за тарелки супа!
Благодарять за пропитанье скупю
И вновь расходятся—до ужина враги.

XXV.

ПАСХА ВЪ АПРѢЛѢ.

Звонъ колокольный и яйца на блюдѣ
Радостью душу согрѣли.
Что лучезарнѣй, скажите мнѣ, люди,
Пасхи въ апрѣлѣ?
Травку ласкаютъ лучи, догорая,
Съ улицѣ фразъ отголоски...
Тихо брожу отъ крыльца до сарая,
Мѣряю доски.
Въ небѣ, какъ зарево, вешняя зорька,
Волны пасхальнаго звона...
Вотъ у сосѣдей заплакалъ такъ горько
Звукъ граммофона,
Вторять ему безконечно-уныло
Взвизги гармоники съ кухни...

Многое было, ахъ, многое было..
Прошлое, рухни!
Нѣтъ, не помогутъ и яйца на блюдѣ!
Поздно... Лучи догорѣли..
Что безнадежнѣй, скажите мнѣ, люди,
Пасхи въ апрѣлѣ?

Москва. Пасха, 1910 г.

XXVI.

СКАЗКИ СОЛОВЬЕВА.

О, эта молодость земная!
Все такъ старо—и все такъ ново!
У приоткрытаго окна я
Читаю сказки Соловьева.

Я не дышу — въ нихъ все такъ зыбко!
Вдругъ вздохомъ призраки развѣю?
Неосторожная улыбка
Спугнетъ волшебника и фею.

Порою смерть — какъ будто ласка,
Порою жить — почти неловко!
Блаженство въ смерти, Звѣздоглазка!
Что жизнь, Жемчужная Головка?

Не лучше-ль уличнаго шума
Зеленый прудъ, гдѣ гнутся лозы?
И темной власти Чернодума
Не лучше-ль сонъ Апрельской Розы?

Вдругъ чей-то шепотъ: „Вѣчно въ жмурки
Играть съ дѣйствительностью вредно.
Настанетъ вечеръ, и безслѣдно
Растають въ пламени Снѣгурки!

Всѣ сны апрѣльской благодати
Іюльскій вечеръ уничтожить“.
— О, ты, кто мудръ — и такъ некстати!—
Я не сержусь. Ты правъ, быть можетъ...

Ты правъ! Здѣсь сны не много значать,
Здѣсь лжетъ и сонъ, не только слово...
Но, если хочешь знать, какъ плачутъ,
Читай въ апрѣлѣ Соловьева!

XXVII.

КАРТИНКА СЪ КОНФЕТЫ.

На губкахъ смѣхъ, въ сердечкѣ благодать,
Которую ни свѣтскихъ правилъ стужа,
Ни мнѣнья ледъ не властны заковать.
Какъ сладко жить! Какъ сладко танцовать
Въ семнадцать лѣтъ подъ добрымъ взгля-
домъ мужа!

То кавалеру дастъ, смѣясь, цвѣтокъ,
То, не смутясь, подсядетъ къ злымъ стару-
хамъ,

Твердить о долгѣ, теребя платокъ.
И страшно милъ упрямый завитокъ
Густыхъ волосъ надъ этимъ дѣтскимъ ухомъ.

Какъ сладко жить: удаченъ туалетъ,
Прическа сдѣлана рукой искусной,
Любимый мужъ, успѣхъ, семнадцать лѣтъ...
Какъ сладко жить! Вдругъ блески эполетъ
И чей-то взоръ неумолимо-грустный.

О, ей знакомъ безсильно-нѣжный ротъ,
Знакомы ей нахмуренныя брови
И этотъ взглядъ... Предъ ней тотъ преж-
ній, тотъ,
Сказавшій ей въ слезахъ подъ Новый Годъ:
— „Умру безъ словъ при вашемъ первомъ
словѣ!“

Куда исчезъ когда-то яркій гнѣвъ?
Вѣдь это онъ, ея любимый, первый!
Ужъ шепчетъ мужъ сквозь медленный на-
пѣвъ:
— „Да ты больна!“ Немного поблѣднѣвъ,
Она въ отвѣтъ роняетъ: „Это нервы“.

XXVIII.

Ваши бѣлыя могилки рядомъ,
Ту же пѣснь поютъ колокола
Двумъ сердцамъ, которыхъ жизнь была
Въ зимній день свѣтло расцвѣтшимъ садомъ.

Обо всемъ сказавъ другому взглядомъ,
Каждый ждалъ. Но вотъ изъ-за угла
Пронеслась смертельная стрѣла,
Роковымъ напитанная ядомъ.

Спите жъ вы, чья жизнь богатимъ садомъ
Въ зимній день, средь снѣга, расцвѣла...
Ту же пѣснь вамъ шлютъ колокола,
Ваши бѣлыя могилки—рядомъ.

Weisser Hirsch, лѣто, 1910 г.

XXIX.

„ПРОСТИ“ НИНЪ.

Прощай! Не думаю, чтобъ снова
Насъ въ жизни Богъ соединилъ!
Повѣрь, не хватитъ нашихъ силъ
Для примирительнаго слова.
Твой нѣжный образъ вѣчно милъ,
Имъ сердце вѣчно жить готово,—
Но все жъ не думаю, чтобъ снова
Насъ въ жизни Богъ соединилъ!

XXX.

ЕЯ СЛОВА.

— „Слова твои льются, участиемъ согрѣты,
Но темные взгляды въ быломъ“.

— „Не правда ли, милый, такъ смотреть
портреты,

Задѣтые бѣлымъ крыломъ?“

— „Слова твои—струи, вскипають и льются,
Но нѣжныя губы въ тоскѣ“.

— „Не правда ли, милый, такъ дѣти смѣются
Предъ львами на красномъ пескѣ?“

— „Слова твои—пѣсни, въ нихъ вызовъ и
силы,

Ты снова, какъ прежде, бодря“...

— „Такъ дѣти бодрятся, не правда ли, ми-
лый,

Которымъ въ кроватку пора?“

XXXI.

ИНЦИДЕНТЪ ЗА СУПОМЪ.

- „За дядю, за тетю, за маму, за папу“...
— „Чтобъ Кутику Боженъка вылечилъ лапу“...
— „Нельзя баловаться, нельзя, мой приго-
жій!“...
(Ужъ хочется плакать отъ злости Сережѣ).
— „Не плачь, и на трехъ онъ на лапахъ
поскачетъ“.

Но поздно: Сереженька-первенецъ—плачетъ!
Разохалась тетя, племянника ради
Усидчивый дядя бросаетъ тетради,
Отецъ опечаленъ: семейная драма!
Волнуется тамъ, передъ зеркаломъ, мама...
— „Ну, нянюшка, дальше! Чего же вы ждете?“
— „За папу, за маму, за дядю, за тетю“...

XXXII.

МАМА ЗА КНИГОЙ.

...Сдавленный шепоть... Сверканье кинжала...
— „Мама, построй мнѣ изъ кубиковъ до-
микъ!“

Мама взволнованно къ сердцу прижала
Маленькій томикъ.

... Гнѣвомъ глаза загорѣлись у графа:
„Здѣсь я, княгиня, по благости рока!“
— „Мама, а въ морѣ не тонетъ жирафа?“
Мама душою—далеко!

— „Мама, смотри: паутинка въ котлетѣ!“
Въ голосѣ дѣтскомъ упрекъ и угроза.
Мама очнулась отъ вымысловъ: дѣти —
Горькая проза!

XXXIII.

ПРОБУЖДЕННЫ.

Холодно въ мірѣ! Постель
Осенью кажется раемъ.
Вѣтромъ колеблется хмель,
Треплется хмель надъ сараемъ;
Дождь повторяетъ: капъ-капъ,
Льется и льется на дворикъ...
Свѣтъ изъ окошка—такъ слабъ!
Дѣтскому сердцу—такъ горекъ!
Братецъ въ раздуміи третъ
Сонные глазки рученкой:
Бѣдный разбужень! Чередъ
За баловницей сестренкой.
Мыльная губка и тазъ
Въ темномъ углу—наготовѣ.

Холодно! Кукла безъ глазъ
Мрачно нахмурила брови:
Куколкѣ солнышка жаль!
Въ залѣ—дрожашіе звуки...
Это тихонько рояль
Тронули мамини руки.

XXXIV.

УТОМЛЕНЬЕ.

Жди вопроса, придумывай числа...
Если думать—то гдѣ же игра?
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

Въ залѣ страшно: тамъ вѣдьмы и черти
Появляются всѣ вечера.
Папа боленъ, а мама въ концертѣ...
Спать пора!

Братецъ шубу надѣлъ наизнанку,
Рукавицы надѣла сестра,
— Но устанешь пугать гувернантку...
Спать пора!

Ахъ, безъ мамы ни въ чемъ нѣту смысла!
Приуныла въ углахъ дѣтвора,
Даже кукла нахмурилась кисло...
Спать пора!

XXXV.

БАЛОВСТВО.

Въ темной гостиной одиннадцать бьетъ.
Что те сегодня приснится?
Мама-шалунья уснуть не дастъ!
Эта мама совсѣмъ баловница!

Сдернетъ, смѣясь, одѣяло съ плеча,
(Плакать смѣшно и стараться!)
Дразнить, пугаетъ, смѣщитъ, щекоча
Полусонныхъ сестрицу и брата.

Косу опять распустила плащомъ,
Прыгаетъ, точно не дама...
Дѣтямъ она не уступить ни въ чемъ,
Эта странная дѣвочка-мама!

Скрыла сестренка въ подушкѣ лицо,
Глубже ушла въ одѣяльце,
Мальчикъ безъ счета цѣлуеъ кольцо
Золотое у мамы на пальцѣ...

XXXVI.

ЛУЧШИЙ СОЮЗЪ.

Ты съ дѣтства полюбила тѣнь,
Онъ рыцарь грезы съ колыбели.
Вамъ голубья птицы пѣли
О встрѣчѣ каждый вешній день.

Вамъ мудрый сонъ сказалъ украдкой:
— „Съ нимъ — лишь на небѣ!“ — „Здѣсь --
не съ ней!“

Ужъ съ колыбельныхъ нѣжныхъ дней
Вы лучшей связаны загадкой.

Межъ вами пропасть глубока,
Но нарушаются запреты
Въ тотъ часъ, когда не спятъ портреты,
И плачетъ каждая строка.

Онъ рвется весь къ тебѣ, а ты
Къ нему протягиваешь руки,
Но ваши встрѣчи — только муки,
И рѣчью служатъ вамъ цвѣты.

Ни страстныхъ вздоховъ, ни смятеній
Пустымъ, довѣренныхъ, словамъ!
Вась обручила тѣнь, и вамъ
Священы въ жизни — только тѣни.

XXXVII.

СТУКЪ ВЪ ДВЕРЬ.

Сердце дремлетъ, но сердце такъ чутко,
Помнить все: и блаженство, и боль.
Тѣ лучи догорѣли давно-ль?
Какъ забыть тебя, грустный малютка,
Синеглазый малютка король?

* * *

Ты, какъ прежде, бредешь чрезъ аллею,
Неуступчивъ, надмененъ и дикъ;
На кудряхъ—золотящійся бликъ...
Я молчу, я смущенно не смѣю
Заглянуть тебѣ въ гаснущій ликъ.

* * *

Я изъ тѣхъ, о мой горестный мальчикъ,
Что съ рожденья не здѣсь и не тамъ.
О, внемли запоздалымъ мольбамъ!
Почему ты съ улыбкой пальчикъ
Приложилъ осторожно къ губамъ?

* * *

Въ безконечность ступень поманила,
Но, увы, обманула ступень:
Безконечность окончилась въ день!
Я для тѣни тебѣ измѣнила,
Измѣнила для тѣни мнѣ тѣнь.

XXXVIII.

СЧАСТЬЕ.

— „Ты прежде лишь розы цѣнила,
Въ кудряхъ твоихъ вѣнчикъ другой.
Ты страстнымъ цвѣтамъ измѣнила?“

— „Во имя твое, дорогой!“

— „Мнѣ ландышей надо въ апрѣлѣ,
Я въ маѣ топчу ихъ ногой.
Что шепчешь въ отвѣтъ еле-еле?“

— „Во имя твое, дорогой!“

— „Мнѣ милъ колокольчикъ-бубенчикъ,
Его я пребуду слугой.

Ты молча срываешь свой вѣнчикъ?“

— „Во имя твое, дорогой!“

XXXIX.

НЕВѢСТАМЪ МУДРЕЦОВЪ.

Надъ ними древность простираетъ длани,
Имъ свѣтитъ рокъ сіянемъ вѣщихъ глазъ,
Ихъ каждый мигъ — мучительный экстазъ.
Вы передъ ними — щепки въ океанѣ!
Для нихъ любовь — минутный лучъ въ туманѣ,
Единый свѣтъ немеркнушій — для васъ.

* * *

Вы лишь въ любви таинственно-богаты,
Въ ней все: пожаръ и голубые льды,
Послѣдній лучъ и первый лучъ звѣзды,
Всѣ ручейки, всѣ травы, всѣ закаты!..
— Надъ ними ликъ склоняется Гекаты,
Имъ лунной Греціи пвѣтуютъ сады...

* * *

Они покой находятъ въ Гераклитѣ,
Орфея тѣнь имъ зажигаетъ взоръ...
А что у васъ? Одинъ вѣнчальный флёръ!
Вяжите крѣпче золотыя нити
И каждый мигъ молитвенно стелите
Свою любовь, какъ маленькій коверъ!

XL.

ЕЩЕ МОЛИТВА.

И опять предъ Тобой я склоняю колѣни,
Въ отдаленьи завидѣвъ Твой звѣздный вѣ-
нецъ.

Дай понять мнѣ, Христорь, что не все толь-
ко тѣни,

Дай не тѣнь мнѣ обнять, наконецъ!

Я измучена этими длинными днями
Безъ заботы, безъ цѣли, всегда въ полу-
мглѣ...

Можно тѣни любить, но живутъ-ли тѣнями
Восемнадцати лѣтъ на землѣ?

И поютъ вѣдь, и пишутъ, что счастье
вначалѣ!

Расцвѣсти всей душой бы ликующей, всей!
Но не правда-ль: вѣдь счастья нѣтъ, внѣ
печали?

Кромѣ мертвыхъ, вѣдь нѣту друзей?

Вѣдь отъ вѣка зажженные вѣрой иною
Укрывались отъ міра въ безлюдьи пустынь?
Нѣтъ, не надо улыбокъ, добытыхъ цѣною
Оскверненія высшихъ святынь.

Мнѣ не надо блаженства цѣной униженій.
Мнѣ не надо любви! Я грущу—не о ней.
Дай мнѣ душу, Спаситель, отдать—только
тѣни

Въ тихомъ царствѣ любимыхъ тѣней.

Москва, осень, 1910 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Посвященіе.	
Встрѣча	3
 ДѢТСТВО.	
I. Лѣсное царство.	6
II. Въ валѣ.	8
III. Мірокъ	10
IV. Жертвамъ школьныхъ сумерокъ. . .	12
V. Сержѣ.	14
VI. Дортуаръ весной.	16
VII. Первое путешествіе.	18
VIII. Второе путешествіе.	21
IX. Лѣтомъ.	22
X. Самоубійство.	23
XI. Въ Люксембургскомъ саду.	25
XII. Въ сумеркахъ	27
XIII. Эльфочка въ валѣ.	28

	Стр.
XIV. Памяти Нины Джаваха	30
XV. Плънница	33
XVI. Шарманка весной	35
XVII. Людовикъ XVII	38
XVIII. На скалахъ	40
XIX. Дама въ голубомъ	42
XX. Въ Ouchy	44
XXI. Акварель	45
XXII. Сказочный Шварцвальдъ	46
XXIII. Какъ мы читали „Lichtenstein“	48
XXIV. Наши царства	50
XXV. Отгъздъ	52
XXVI. Книги въ красномъ переплетѣ	55
XXVII. Мамѣ	57
XXVIII. Сара въ Версальскомъ монастырѣ	59
XXIX. Маленькій пажъ	61
XXX. Die stille Strasse	63
XXXI. Мама въ саду	65
XXXII. Мама на лугу	67
XXXIII. Ricordo di Tivoli	69
XXXIV. У кровати	71
XXXV. Три поцѣлуя	73

ЛЮБОВЬ.

	Стр.
1. Новолунье	77
2. Эпитафія.	79
3. Бывшему Чародѣю	80
4. Чародѣю.	82
5. Въ чужой лагерь.	84
6. Сестры.	86
7. На прощанье.	88
8. Слѣдующей	90
9. Regretuum mobile.	92
10. Слѣдующему.	94
11. Лучъ серебрястый.	96
12. Втроемъ	97
13. Ошибка.	99
14. Мука и мѹка.	101
15. Катокъ растаяль	102
16. Встрѣча	103
17. Два въ квадратѣ.	105
18. Связь черезъ сны.	106
19. Не гони мою память	108
20. Привѣтъ изъ вагона	110

	Стр.
21. Зеленое ожерелье	112
22. Наши души...	114
23. Кромѣ любви	116
24. Плохое оправданье	118
25. Предсказанье	120
26. Оба луча	121
27. Дѣтская	122
28. Разныя дѣти	123
29. Наша зала	125
30. По тебѣ тоскуеть...	128
31. Напись въ альбомъ	130
32. Сердца и души	131
33. Зимой	132
34. Такъ будетъ	134
35. Правда	136

ТОЛЬКО ТѢНИ.

	Стр.
I. Въ Кремлѣ	141
II. У гробика	144
III. Последнее слово	146
IV. Эпитафія	148
V. Дамѣ съ камеліями	150
VI. Вокзальный силуэтъ	152
VII. Какъ просторъ нашихъ горестныхъ нивъ...	154
VIII. Нинѣ	156
IX. Въ Парижѣ	158
X. Въ Шенбруннѣ	160
XI. Камерата	163
XII. Разставаніе	166
XIII. Молитва	168
XIV. Колдунья	170
XV. Анжелика	172
XVI. Добрый колдунъ	174
XVII. Потомокъ шведскихъ королей	176
XVIII. Нелюбиміе	178
XIX. Обреченная	179

	Стр.
XX. На солнце, на вѣтеръ.	181
XXI. Отъ четырехъ до семи.	183
XXII. Волей луны.	184
XXIII. Rouge et bleue.	186
XXIV. Столовая.	188
XXV. Пасха въ апрѣлѣ.	190
XXVI. Сказки Соловьева.	192
XXVII. Картинка съ конфеты.	194
XXVIII. Ваши бѣлыя могилки.	196
XXIX. „Прости“ Нинѣ.	197
XXX. Ея слова.	198
XXXI. Инцидентъ за супомъ.	199
XXXII. Мама за книгой.	200
XXXIII. Пробуждены.	201
XXXIV. Утомленье.	203
XXXV. Баловство	205
XXXVI. Лучшій союзъ	207
XXXVII. Стукъ въ дверь	209
XXXVIII. Счастье.	211
XXXIX. Невѣстамъ мудрецовъ	212
XL. Еще молитва.	214

Errata

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
44	4, 8, 12 св.	Оисну	Ouchy
78	1 св.	гордыхъ	гордымъ
79	1 сн.	его	ему
173	3 сн.	павилица	повелица
177	3 сн.	палладинъ	паладинъ
208	1 сн.	священы	священны
224	—	124	224

ПОСЛЕСЛОВИЕ

к репринтному изданию

В один из московских осенних дней тысяча девятьсот десятого года из Трехпрудного переулка, что близ Патриарших прудов, вышла невысокая круглолицая гимназистка, пересекла у Никитских ворот Тверской бульвар и направилась в Леонтьевский переулок, где помещалась типография А.И.Мамонтова. В руках у нее была внушительная стопка стихов, в душе — дерзость и нерешительность, «Гордость и Робость», что пронизали всю ее последующую жизнь и поступки. В этот знаменательный день, — точная дата его, к сожалению, неустановима, — Марина Цветаева, которой 26 сентября по старому стилю исполнилось восемнадцать лет, постучалась в двери русской литературы...

Немало печали уже увидела в жизни эта гимназистка, дочь Ивана Владимировича Цветаева, замечательного ученого-филолога, основателя знаменитого Музея изобразительных искусств на Волхонке. Будучи уже немолодым человеком, Иван Владимирович похоронил горячо любимую жену, от которой остались дочь и сын, и женился вторично, продолжая любить ушедшую. Этого не знали, но чувствовали, а потом поняли его дочери от второго брака — Марина и Анастасия. Впрочем, отец был нежно привязан к их матери — Марии Александровне, урожденной Мейн, женщине романтической, расставшейся в юности с любимым человеком, одаренной и самоотверженной. «Счастливая, невозвратимая пора детства» была связана с рождественскими елками, с первыми книгами и рассказами матери, с «живы-

ми картинами»; летние «золотые деньки» протекали в старинном городке Тарусе на Оке...¹

Благополучие покинуло семью в тот год, когда Марине исполнилось десять лет. Мария Александровна заболела чахоткой; ее здоровье требовало теплого, мягкого климата, и с осени 1902 года семья уехала за границу: Мария Александровна лечилась в Италии, Швейцарии и Германии; Марина и Ася жили и учились в тамошних частных пансионах; Иван Владимирович разрывался между Москвой и границей. Тоска полусиротства чередовалась с впечатлениями от недолговечных дружб, перемен мест и незабвенных впечатлений от прелестного итальянского Нерви, швейцарских величественных Альп, сказочного германского Шварцвальда. Одиночество на людях — слишком рано познала юная Марина Цветаева этот парадокс жизни, раздвоивший ее душу. Мечтательная девочка, ищущая уединения, нуждающаяся в ласке, она редко бывала одна. «Уединение: уйди В себя, как прадеды в фео-ды», — напишет она спустя много лет и будет всю жизнь стремиться к блаженному, в мире не существующему одиночеству и одновременно, словно спасаясь от него, постоянно искать общения, вечно встречаясь *не с теми*, сетовать, разочаровываться и вновь искать, ненадолго обретать и неизбежно терять, оставаясь в постоянном зачарованном кругу собственной отчужденности. Мать — единственная, которая могла бы внести гармонию в ее смятенное сердце, — не была рядом; долгие зимние месяцы она оставалась лишь прекрасной мечтой, — до каникул, когда дети наконец съезжались с родителями...

---

¹ См.: Цветаева Анастасия. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1971, 1974, 1983.

В Германии, холодной осенью 1904 года, Мария Александровна сильно простудилась; на следующий год решено было ехать в Россию, в Ялту. Год, прожитый в Крыму, принес Марине Цветаевой юношеское увлечение революционной героиней, — у всех на устах был лейтенант Шмидт; среди новых знакомых оказались радикально настроенные люди. Но крымские впечатления вскоре сменились безутешным горем: так и не выздоровевшая Мария Александровна, которую летом 1906 года привезли в Тарусу, скончалась там 5 июля.

Осенью Марина по собственной воле пошла в интернат при московской частной гимназии, предпочтя целый год жить среди чужих людей, но не в стенах осиротевшего Трехпрудного дома, где она появлялась лишь в конце недели. Беспорядочно читала книги и жила жизнью их героев, исторических и вымышленных, реальных и литературных, одинаково страдая за всех. Лорелея, Княжна Джаваха, Мария Башкирцева, Наполеон, его несчастный сын, герцог Рейнхштадтский, герой пьесы Э.Ростана «Орленок» (которую Цветаева перевела — перевод не уцелел). Сара Бернар в его роли. По следам этой «наполеониады» Цветаева, не достигнув и семнадцатилетия, одна поехала в Париж и прослушала летний курс по старофранцузской литературе. Она уже писала стихи и рассказы, вела дневники. Если б чудом можно было воссоздать весь тот хаос переживаний и впечатлений, что царил тогда в ее сердце и голове, и все, что она поверяла бумаге, получился бы объемистый сумбурный психологический роман. В жизни юная Цветаева была дикова-та и дерзка, застенчива и конфликтна. Не уживалась в гимназиях и меняла их: за пять лет — три.

Замкнутая в себе, она была неотступно влекома жадой узнать мир, и в первую очередь — литературный. Появившийся в цветаевской семье поэт Эллис (Л.Л.Кобылинский) был, вероятно, первопричиной ее знакомства с московскими символистами; юная Цветаева посещала издательство «Мусагет», где царил Андрей Белый с его «ритмистами», вслушивалась в непонятные ей споры. Ее интересовала и одновременно отталкивала личность и поэзия Валерия Брюсова. И вероятно, в ее детской гордой и робкой душе постепенно созрел честолобивый замысел: войти в этот малознакомый, но влекущий мир — со *своим* миром, *своим* словом, рассказать другим то, что она пережила, только она одна...

И она собрала стопку стихов — исповедь души за последние два года, отнесла в Леонтьевский, заплатила за печатание пятисот экземпляров и через месяц уже держала в руках довольно неказистую книгу в сине-зеленой картонной обложке под названием «Вечерний альбом».

Итак, она вступила на путь, откуда ход назад был невозможен. Она послала свою книгу Брюсову, Волошину, в издательство «Мусагет». Это была большая смелость: отправить полудетские стихи Брюсову «с просьбой просмотреть». Но ведь уже тогда Цветаева бессознательно следовала девизу, который отчеканила позже: «Единственная обязанность на земле человека — правда всего существа». Бесстрашная и безоглядная правдивость и искренность во всем были всю жизнь ее радостью и горем, ее крыльями и путами, ее волей и пленом, ее небесами и преисподней...

Наивная первозданность, создавая особое обя-

ние непосредственности, подкупила читателей «Вечернего альбома». На книгу последовали отклики М.Волошина, Н.Гумилева, В.Брюсова и других, — отклики одобрительные и ожидающие дальнейшего. (Брюсов, впрочем, своими надеждами увидеть впредь в стихах Цветаевой чувства более «острые» и мысли более «нужные» задел ее самолюбие, и она этого не забыла...) Автор «Вечернего альбома» приглашал в свою *страну* — блаженную страну детства, прекрасного, хотя и не всегда безоблачного, с нежной и печальной матерью («Видно, грусть оставила в наследство Ты, о мама, девочкам своим»); с любимыми книгами, говорил о «счастье быть на свете», о первых робких попытках любить; о скуке и обыденности жизни среди равнодушных лиц; о волшебных сказках Соловьева, о Даме с камелиями — и многом-многом другом. Эта россыпь полудетских «впечатлений бытия» лишь условно делилась в книге на три части: «Детство», «Любовь», «Только тени». Все тут было слито в единую романтику. Райское детство, сновиденная, «без мер и без конца» любовь и дорогие сердцу «тени», ушедшие навсегда. В сущности, «Вечерний альбом» уже можно назвать предтечей Цветаевой как творческой личности, которая являла себя пока что посредством наивного, «невзрослого стиха». Впрочем, уже и сейчас порою слышался голос не просто талантливо-го ребенка — но поэта: «Отдать всю душу — но кому бы? Мы счастье строим на песке...» или: «Но не правда ль: ведь счастья нет вне печали? Кроме мертвых, ведь нету друзей?» и подобные же строки, написанные в пору «трагического отрочества», как сама Цветаева его назовет. Но самым красноречивым было стихотворение «Молитва». Лирическая

героиня исполнена лихорадочной, вдохновенной силы и любви к жизни, от которой она ждет *абсолюта*: «Я жажду сразу всех дорог!», «...Чтоб был легендой — день вчерашний, Чтоб был безумьем — каждый день!». И — неожиданно или естественно? — просит создателя: «Ты дал мне детство лучше сказки И дай мне смерть — в семнадцать лет!» (Под стихотворением — дата семнадцатилетия автора.)

Здесь — крайнее проявление той романтической «диалектики души», что не покинет Цветаеву до конца дней. Жизнь и смерть, их постоянное сосуществование; «В этой жизни — ничего нельзя», — скажет Цветаева, но поразительная жизненная энергия, кипящая в ней, будет находиться в вечном и неизбывном противоборстве с этим ощущением, покуда не оборвется... А пока она жива, в ней будет неугасимо гореть душевный и творческий костер — любви к жизни и к живым людям, к дорогим «теням» и к природе, к «святому ремеслу» поэта. Это — «тайный жар», скажет она словами Александра Блока. «Тайный жар и есть жить».

И еще девизы, повторенные ею впоследствии с небольшими вариациями: «Вся моя жизнь — роман с собственной душой»; «Мне ничего не нужно, кроме своей души!».

И это была правда.

А.А.Саакянц

Марина Ивановна Цветаева

ВЕЧЕРНИЙ АЛЬБОМ

**Репринтное воспроизведение
издания 1910 года**

Ответственные за выпуск
В.И.Синюков, Ю.А.Поляков

ИБ 1913

Подписано в печать 15.11.88. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,48. Усл. кр.-отт. 13,48. Уч.-изд. л. 3,94.
Тираж 26 000 экз. Изд. № 4816. Заказ № 6588. Цена 4 р. 30 к.

Издательство "Книга", 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного
Знамени МПО "Первая Образцовая типография" Союзполиграф-
прома при Госкомиздате СССР. 113054, Москва, ул. Валовая, 28.

Ц 4702010100-022 Без объявл.
002 (01) -88

ISBN 5-212-00306-7